

ISSN: 2500-0837

ТЕОРИЯ государства и права

2016

июль-сентябрь

№ 3

Москва

Россия

2016 / № 3

**ТЕОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Научный журнал основан в 2016 г.

2016 / № 3

**THEORY
OF STATE AND LAW**

The academic journal is established in 2016

Международная конференция

30 сентября 2016 года Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, редакционная коллегия журнала «Теория государства и права», кафедра теории и истории государства и права Юридического факультета Института управления крупными городами, бизнеса и права АНОВО «Международный университет в Москве» провели **очно-заочную** Международную научно-практическую конференцию на тему «**Личность, власть, право, противодействие коррупции**» (посвящённую 65-летию со дня рождения профессора Комарова Сергея Александровича).

В конференции приняли участие члены научной школы профессора С.А. Комарова, государственные гражданские служащие, адвокаты, представители ведущих высших учебных заведений и научных центров Российской Федерации, Польши, Казахстана, Таджикистана и других зарубежных стран.

С докладами (часть из них публикуется в этом номере) выступили 26 человек.

На обложке атриум Международного университета в Москве

Содержание

		Стр.
Баженов В.В.	Личность в политической жизни общества	8
Веселов И.Г.	Проблемы нормативного правового регулирования проведения антикоррупционной экспертизы законопроектов в рамках федерального законодательного процесса	14
Волостных Р.С.	Правовая идеология в процессе формирования профессионального правосознания	22
Горлова Н.И., Крутицкая Е.В.	Правовая оценка региональных нормативных актов Российской Федерации в области практики организации добровольческой деятельности	26
Елисеев И.В.	Механизм правового воздействия и процедура медиации в России	33
Камолов Т.М.	Коррупция – детерминант терроризма, сепаратизма и экстремизма, представляющих угрозу суверенитету стран – участниц Шанхайской организации сотрудничества	39
Мамитова Н.В., Назаров И.И.	Правовые основы противодействия коррупции в Российской Федерации	44
Петрович Д.В.	К вопросу о состоянии преступности и коррупции в Российской Федерации	52
Ревнов Б.А., Ревнова М.Б.	«Право на возражение» или отдельные вопросы исполнения постановлений Европейского суда по правам человека	57
Салин П.Б.	К вопросу о введении обязательного участия в голосовании для граждан Российской Федерации	66
Шамба Т.М.	Правовой порядок – важная функция государства	72
Якушев А.Н., Комаров С.А.	К вопросу о фальсификации программами антиплагиата результатов оценки свободного использования произведений в диссертациях	77
Goltsblat VLP	Ведущая международная юридическая фирма	85

Теория государства и права

Главный редактор **Комаров Владимир Сергеевич**, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь редакции **Саматов Андрей Валерьевич** (г. Москва, Россия)

Редакционно-издательский совет:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор, (г. Ульяновск, Россия)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Васильев Анатолий Васильевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Вороненков Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия)

Ельцов Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук, профессор (Республика Польша) (г. Санкт-Петербург, Россия)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия)

Лукьянова Елена Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан)

Мордовец Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Печникова Ольга Глебовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ревна Мария Борисовна, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Фролова Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Шамба Тарас Миронович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Якушев Александр Николаевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г. Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович.

ISSN: 2500-0837

© Теория государства и права, 2016.

© Авторы, 2016.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/magazine>).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы.

Теория государства и права

Editor in chief **Komarov Vladimir Sergeyeovich**, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Executive secretary of the editorial board **Samatov Andrey Valeryevich** (Moscow, Russia)

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Ufa, Russia)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, professor (Ulyanovsk, Russia)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Kholmna, Russia)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Vasilyev Anatoly Vasilyevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Voronenkov Denis Nikolayevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, professor (Stavropol, Russia)

Eltsov Nikolay Sergeyeovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Kowalski Jerzy Sergey Cheslavovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Warszawa, Republic of Poland) (St. Petersburg)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, professor (Tolyatti, Russia)

Lukyanova Elena Gennadyevna, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan)

Mordovets Alexander Sergeyeovich, Doctor of legal sciences, professor (Saratov, Russia)

Pechnikova Olga Glebovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation, Honorary worker of higher education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Frolova Natalya Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, professor (Saratov, Russia)

Shamba Taras Mironovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Theory of State and Law

Editorial board:

Belyanskaya Olga Viktorovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, professor (Ufa, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Yakushev Alexander Nikolaevich, Doctor of historical sciences, Candidate of legal sciences, Candidate of pedagogical sciences, professor

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016.

ISSN: 2500-0837

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2016.

© Authors, 2016.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

В.В.Баженов*

ЛИЧНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. *Статья посвящена влиянию личности с активной жизненной позицией на течение политических процессов в обществе и государстве. Рассматриваются пути и методы решения определенных проблем мыслителями различных направлений, связанных и объединенных понятием «участники политического процесса».*

Ключевые слова: *государство, личность, право, политика, общество.*

THE PERSONALITY IN POLITICAL LIFE OF SOCIETY

Summary. *Article is devoted to influence of the personality with active living position of the person in society on the course of political processes in the state. In article questions, ways and methods of the solution of certain problems by thinkers of various directions connected and united by the concept "participants of political process" are considered.*

Keywords: *government, identity, law, politics, society.*

Все рассуждения о политической сфере общественной жизни представляются совокупностью определенных явлений, предметов и действующих лиц, которые соотносятся у большинства с понятием политики. Прежде всего мы имеем в виду государство, политические партии, иные политические институты. Все эти структурные составляющие политической жизни общества в определенной степени взаимосвязаны и входят в единую систему. Элементы этой политической системы упорядочены, зависимы друг от друга и образуют определенную системную целостность.

Политическая система представляет собой упорядоченную совокупность норм, институтов, организаций, а также взаимоотношений между ними, в ходе которых реализуется политическая власть [3, с. 35]. Политическая система общества – это совокупность взаимосвязанных государственных, общественных и иных организаций, призванных развивать организационную самостоятельность и политическую активность личностей в процессе реализации ими политической власти [10, с. 138].

Понятие политической системы более емкое, чем понятие государственного управления. Оно охватывает всех лиц и все институты, участвующие в политическом процессе, и включает в себя неформальные и неправительственные факторы и явления, которые влияют на механизм выявления и постановки проблем, а также на выработку и реализацию решений в сфере государственно-властных отношений.

Личность в системе политических отношений является носителем определенных политических качеств и представляет собой важный элемент политической системы [10, с. 140]. Личность представляет собой сложное понятие, которое развивается, формируется и складывается лишь в обществе. В силу своей природы человек нуждается в общении с другими людьми. Личность в обществе формируется не

* **Баженов Виктор Викторович** – доцент Академии ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: vikkgan@mail.ru

только в силу своих индивидуальных качеств, но и под воздействием социальных явлений.

Личность является совокупностью значимых для общества качеств, которые характеризуют индивида как члена того или иного общества, как продукт общественного развития [5, с. 12]. Правильнее сказать, что личность – это социальная характеристика человека, определяемая мерой усвоения человеком опыта, приобретенного в обществе.

Некоторые ученые связывают понятие личности с активной жизненной позицией человека или с его включенностью в политическую деятельность. При этом социально пассивный и не участвующий в политической жизни индивид также обладает многими весьма важными социальными качествами. Речь идет о личности в широком смысле этого понятия со всеми характерными и присущими ей качествами, которые не направлены на активную политическую позицию, но обладают субъективным статусом в политической жизни общества, однако его не реализуют в политической жизни. Как субъект политики личность представляет собой индивида, который принимает активное и осознанное участие в политической деятельности, оказывает определенное воздействие на политические процессы в государстве.

Утверждения древнегреческого философа Аристотеля о том, что человек – существо политическое, потому как он живет в государстве и вынужден так или иначе участвовать в политической жизни общества и в тех процессах, которые в данном обществе происходят. К данному высказыванию античного мыслителя можно добавить, что если человек сам не имеет никакого отношения к политике, не хочет либо не желает участвовать в политической жизни общества, то он все равно становится объектом чужой политики, не зависящей от его мнения.

Многие философы в научных теориях определяют такие понятия, как личность, общество и государство [9, с. 62]. Отдавая предпочтение главному – личности, И.Бентам, основатель теории современного либерализма, был решительным противником теории естественного права. Он считал, что все должно быть подчинено "принципу полезности", и выше всего ставил интересы личности, "разумного человека", которые отождествлял с интересами общества, свободу личной индивидуальности, права и свободы каждого человека определял высшей ценностью.

Постепенно свободные граждане-индивиды начали проявлять себя, отстаивать свои политические интересы.

Необходимо различать личность как субъект права и личность как субъект политики.

Личность признается субъектом политики тогда, когда она обладает определенным политическим капиталом (доверием, репутацией, влиянием, которым располагает политик), имеет свои либо групповые политические цели и интересы и занимается политической деятельностью для их воплощения в жизнь.

Индивид становится субъектом политического процесса, когда он способен привлечь на свою сторону значительный политический потенциал и готов защищать свои интересы в реальной борьбе. Субъект политики, избегающий политической борьбы, утрачивает свою субъективность, то есть статус субъекта политики.

Существует несколько вариантов участия либо неучастия личности в политической жизни. Так, личность может принимать активное участие. Для таких лиц политика является профессией, призванием либо смыслом жизни. Возможно ситуационное участие. В таком случае индивид участвует в политической жизни общества

в зависимости от ситуации, решая свои либо групповые проблемы, выполняя свой гражданский долг (например, участвуя в выборах). Также выделяют мотивированное неучастие. Оно выражается как протест против действующей политики. Для тоталитарного и авторитарного режима характерно мобилизационное участие. Это ситуация, при которой индивида принуждают принимать участие в тех или иных общественных и политических мероприятиях. Так, в СССР человека, который отказывался пойти на голосование либо на митинг, могли лишить каких-либо поощрений, выраженных в финансовых выплатах, «отодвинуть» в очереди на получение жилья и так далее. На выборах президента Якутии (конец 2001 года) избирателей завлекали на участие в выборах ценными подарками. Последним является не просто отстранение личности от важных политических событий в жизни государства, но и, наоборот, вызывает негативное отношение к политической жизни общества.

В первых трех случаях личность выступает в роли субъекта политики, так как в некоторой степени может оказывать воздействие на политический процесс. В остальных случаях личность не является субъектом политики. Безразличные к политике и пассивные индивиды легко поддаются политическим манипуляциям и зачастую становятся объектом чужой политики.

Вовлеченность личности в политическую сферу жизни зависит от уровня политической культуры, гражданского самосознания, индивидуальной социальной активности личности, политической ситуации.

Немаловажным фактором является убежденность конкретного избирателя в том, что его голос на выборах окажет хоть в какой-то степени положительное влияние как на решение его личных проблем, так и на улучшение общей ситуации в стране.

Зачастую некоторые граждане, разуверившись в эффективности своего личного участия в политическом процессе, не желают в нем участвовать [4, с. 25]. Другие не участвуют в силу своей пассивности, а третьи игнорируют политические мероприятия по иным соображениям. Также следует упомянуть о категории граждан, не имеющих возможности и средств для участия в политическом процессе. Они предпочитают в день проведения политических или общественных мероприятий поработать или заняться иными важными для них делами. Данную проблему обозначил еще Аристотель. Он указывал на то, что люди среднего достатка мало занимаются политикой, поскольку вынуждены зарабатывать себе на жизнь в то время, как другие митингуют.

Большая часть рядовых граждан становится субъектом политики лишь в определенных периоды, чаще всего во время выборов, референдумов, политических демонстраций и так далее. Повседневная политическая деятельность – монополия профессионалов. Они, по мнению Пьера Бурдьё, производят и предлагают гражданам выбирать политический «продукт», отвечающий прежде всего интересам самих монополистов. Поэтому реальным субъектом политики может быть лишь личность, имеющая поддержку определенной части политической элиты или широких слоев общества.

В политической системе Российской Федерации количество простых граждан – субъектов политики весьма ограничено, так как нет достаточно развитых институтов гражданского общества и соответствующей нормативной правовой базы, которые способствовали бы вовлечению граждан в политическую деятельность.

В политическом процессе выделяют две основные формы политического участия граждан – прямое и опосредованное [6, с. 46].

Прямое участие подразумевает, что индивид или группа лично участвует в том или ином политическом мероприятии. Так участие в выборах депутатов парламента является прямым. Опосредованное участие осуществляется через избранных представителей. Примером может послужить всенародно избранный парламент, который от имени своих избирателей формирует законотворческую политику, издает законы, то есть осуществляет политическое управление страной.

Наиболее распространенный способ участия в политической сфере – именно опосредованное участие через своих представителей. Поэтому в таких случаях к ним больше подходит определение «участники политического процесса».

Участники политического процесса – это индивиды, группы, организации, различные социальные общности, принимающие участие в тех или иных политических событиях или политической жизни в целом.

Если субъект политики имеет свои интересы и цели в политике, свои способы и методы достижения этих целей и при этом проявляет повышенную политическую активность и инициативу, то участник, как правило, не обладает всеми вышеперечисленными качествами. Он может сознательно или неосознанно принимать участие в политических событиях, может случайно быть вовлеченным в эти события или стать их участником по принуждению.

Следует отметить, что субъекты и участники могут меняться местами в ходе развития политических событий. Так, рядовой участник массового политического события может осознать свой интерес в политике и в связи с этим выдвинуться в лидеры либо быть избранным на руководящую политическую должность, а бывший субъект политики, утратив легитимность и занимаемую должность, может пополнить ряды простых участников политического процесса.

Политический режим, существующий в стране, во многом определяет роль, значение и формы политического участия граждан. При демократическом режиме политическое участие является одной из форм участия граждан в управлении государством. Политическое участие может подтвердить либо опровергнуть законность действующего политического режима. Одной из важных функций политического участия в демократическом обществе является участие в выборах с целью формирования органов государственной власти. Также политическое участие является одной из эффективных форм политической социализации граждан. Принимая участие в политических событиях, граждане формируют некоторые значимые политические качества.

Что же касается тоталитарного политического режима, то, как правило, допускается лишь одна форма политического участия граждан, а именно мобилизационная. Не санкционированные властью инициативы обычно наказуемы. Нередко для очередной демонстрации единства народа и правящей элиты (партии или вождя) проводятся парады, шествия, митинги, выборные кампании. Формы проведения, число участников и результаты таких мероприятий заранее определяются правящим режимом. Такое мобилизационное участие является одним из способов политической манипуляции и имитацией реального участия граждан в политическом процессе.

Принятие 12 декабря 1993 г. Конституции Российской Федерации способствовало созданию нормативной правовой базы для нового этапа реформирования политической системы российского общества [1]. Согласно ее положениям носитель суверенитета и единственный источник власти в Российской Федерации – ее многонациональный народ, что является одной из причин определения Российской Федерации как демократического государства.

Демократичность нашей страны проявляется и в том, что его граждане равноправны, а также обладают широкими правами и свободами. В это число входит право участвовать в управлении делами государства. В Российской Федерации установлена выборность законодательных органов власти и представительных органов местного самоуправления, ряда руководящих должностных лиц (Президента Российской Федерации, глав региональной и местной администраций и так далее).

Демократизация российской общественной жизни влечет за собой устранение монополии центрального аппарата на власть, преодоление отчуждения социальных общностей, личностей от политической власти, всех элементов политической системы Российской Федерации. Так, обязанностью государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Главный элемент политической системы демократического государства – человек как политический субъект.

Причиной невысокой эффективности функционирования политической системы Российской Федерации является разобщенность государственных институтов и институтов гражданского общества (государства и общества), отсутствие действенных механизмов влияния общества на государство [7, с. 14]. Осознавая этот факт, Президент Российской Федерации В.В.Путин предложил создать Общественную палату Российской Федерации, которая служила бы связующим звеном между гражданским обществом и государством. За почти десятилетие своей деятельности Общественная палата стала одним из важных общественно-политических институтов российской политической системы.

Опросы социологов показывают, что граждане в большинстве своем считают невозможным повлиять на политические процессы в стране. В связи с этим логично было бы ожидать массового уклонения от участия в выборах. Но в итоге массовой неявки на выборы ожидать не приходится. Конечно, в правовых рамках она ничего не может изменить (порог, необходимый для признания выборов состоявшимися, давно отменен). Но бойкот в более широком смысле мог бы лишить правящую верхушку основ легитимности. Принято считать пассивность людей зависимой от состояния неудовлетворенности избирателей существующим положением в государстве.

Если говорить об отношении к власти вообще, то оно в некоторой степени негативно. И тот факт, что в настоящее время доверие к некоторым высшим руководителям страны в определенной степени падает, является закономерным последствием этого отношения. Подавляющее большинство граждан считают, что чиновники не соблюдают законы, а более половины полагают, что интересы власти и общества не совпадают. Интересно, что более трети граждан сейчас (больше, чем в последние годы) парадоксальным образом считают, что следующими выборами все-таки можно воспользоваться, чтобы решить проблемы, с которыми люди сталкиваются в современной России. Однако это обнадеживающее мнение не имеет никакого содержательного объяснения, если судить по остальным ответам на вопросы социологов.

Одним из объяснений этого парадокса служит то, что граждане испытывают устойчивое отвращение к политике как таковой. Половина опрошенных заявляют о нежелании иметь дело с политической сферой даже на уровне своего города. И в этом случае также нет почти никакого прогресса за последние годы.

Политика – «грязное дело» по определению, и политическая пассивность – хорошо известное явление во многих демократических государствах [2, с. 68]. Однако политическую жизнь никто не отменял и не отменит, она существует и проявляется

наиболее активно на местном уровне. Именно на нем и может быть заложена основа самоуправления ответственных избирателей.

Еще одним объяснением невмешательства граждан в политику является отсутствие интереса в связи с уверенностью в том, что они не могут повлиять на процессы, происходящие в стране. Именно так думает большинство наших знакомых.

Исходя из вышесказанного, хочется отметить низкий уровень политической культуры наших сограждан. Формирование новой политической культуры в ее системном виде берет начало с момента принятия Конституции Российской Федерации 1993 года. Процесс этот сложный и болезненный, связанный с ломкой стереотипов, приобретением новых качеств, и все это на фоне социально-экономического и духовно-нравственного кризиса. Низкий уровень политической культуры объясняется не только идеологическими факторами, но и отсутствием опыта демократического участия в принятии политических решений, поскольку многие институты гражданского общества находятся в процессе становления. В целом же российская политическая система пребывает в стадии формирования и развития [8, с. 268].

События последних лет, в частности становление правовой системы, развитие федерализма, совершенствование законотворческого процесса, поиски компромисса между законодательной и исполнительной властью, функционирование многопартийной системы и другие позитивные элементы, позволяют сделать оптимистический прогноз развития политической культуры в целом и важной роли в этом непременно личности. Здесь важно отметить, что в ряду важнейших направлений в этом плане должны стать последовательное укрепление индивидуальной и общественной духовной свободы, создание реальных механизмов для проявления гражданской политической активности людей, вовлечение их в управление государством и контроль за его деятельностью.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г., в ред. 2014 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Гаджиев К. С. Введение в политическую теорию. М.: Логос, 2014. С. 68.
3. Алексеев С. С. Государство и право. М.: Юридическая литература, 2012. С. 35.
4. Общая теория государства и права: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М.: Юрист, 2014. С. 25.
5. Лившиц Р.З. Теория права. М.: БЕК, 2010. С. 12.
6. Марченко М.Н. Теория государства и права. М.: Зерцало, ТЕИС, 2015. С. 46.
7. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 14.
8. Козырев Г.И. Политология. М.: ИД «Форум», Инфра – М., 2010. С. 268.
9. Философия: учебник для вузов/ под ред. проф. В.Н. Лавриненко, проф. В.П. Ратникова. 3-е изд., перераб. и доп. М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 62.
10. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. 8-е изд. СПб.: Изд-во Юридического института, 2012. С. 138.

И.Г.Веселов*

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗАКОНОПРОЕКТОВ В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы проведения антикоррупционной экспертизы внесенных в Государственную Думу и рассматриваемых ею проектов федеральных законов. Анализируются пути и способы повышения эффективности осуществления такой экспертизы, субъекты ее проведения, имеющиеся недостатки нормативного правового регулирования в данной области, в том числе с учетом опыта проведения антикоррупционной экспертизы в субъектах Российской Федерации. В результате проведенного анализа автором статьи обосновывается, что значительный потенциал в повышении эффективности проведения антикоррупционных экспертиз внесенных в Государственную Думу законопроектов заключается в совершенствовании необходимой нормативной правовой базы, обеспечивающей ее проведение, и в первую очередь Регламента Государственной Думы. Представляется также необходимым и совершенствование регламентации процедур федерального законодательного процесса.*

***Ключевые слова:** антикоррупционная экспертиза, законопроект, Государственная Дума, федеральный законодательный процесс, правовой мониторинг.*

PROBLEMS NORMATIVE LEGAL REGULATION OF ANTI-CORRUPTION EXPERTISE BILLS IN THE FEDERAL LEGISLATIVE PROCESS

***Summary.** The article discusses questions of carrying out anti-corruption expertise submitted to the State Duma and considered her of Federal laws. Investigates ways and means of enhancing the effectiveness of the implementation of such examination, the subjects of its implementation, the deficiencies of legal regulation in this area, including taking into account the experience of anti-corruption examination in the subjects of the Russian Federation. In the result of the analysis by the author of the article substantiates that the significant potential in enhancing the effectiveness of anti-corruption expertise submitted to the State Duma draft laws is to improve the necessary regulatory framework to ensure its implementation, first and foremost, the State Duma Regulations. It is also essential and the improvement of the regulation of the procedures of the Federal legislative process.*

***Key words:** anti-corruption expertise of the bill, the State Duma, the Federal legislative process, legal monitoring.*

* **Веселов Игорь Геннадьевич** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург).

Возросший в настоящее время интерес к экспертизе законопроектов как к эффективному средству противодействия некачественному и скороспелому законотворчеству вполне объясним в условиях «вала» законопроектов в Государственной Думе и переполненных повесток ее пленарных заседаний. Особое внимание уделяется антикоррупционной экспертизе проектов нормативных актов, под которой обычно понимают выявление в таких актах коррупционных факторов для их своевременного устранения [1]. Следует отметить, что именно такая цель антикоррупционной экспертизы закреплена в федеральном законодательстве [2]. Наряду с этим высказывается обоснованная позиция о том, что антикоррупционная экспертиза выступает дополнительным инструментом обеспечения качества актов, их большей эффективности [3].

Таким образом, антикоррупционная экспертиза законопроектов является важным элементом экспертного обеспечения нормотворческого процесса, препятствующим наличию в принятых (изданных) нормативных правовых актах положений, способствующих проявлению коррупции (коррупционных норм) и обеспечивающих повышение качества нормативных правовых актов, а также их эффективности.

Обоснованно, на наш взгляд, определить антикоррупционную экспертизу как инструмент соблюдения и защиты прав и свобод человека, которые согласно Конституции Российской Федерации являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием [4].

В этой связи крайне важное значение имеет нормативная регламентация проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов, и в первую очередь проектов федеральных законов. Анализ норм федерального законодательства, посвященных данным вопросам, показывает, что федеральный законодатель уделил такой регламентации значительное внимание.

Базовым законодательным актом в сфере проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов является Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – Федеральный закон № 172-ФЗ).

Этим законодательным актом определены основные принципы организации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, а также субъекты экспертизы. Последними согласно статье 3 Федерального закона № 172-ФЗ являются органы прокуратуры, федеральный орган исполнительной власти в области юстиции (Министерство юстиции Российской Федерации), а также органы, организации и их должностные лица, которые в соответствии с Федеральным законом № 172-ФЗ проводят антикоррупционную экспертизу в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, согласно методике, определенной Правительством Российской Федерации [5].

Проведение антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов в отношении федеральных органов исполнительной власти регламентируется приказами соответствующих федеральных министерств и ведомств. Следует отметить, что в таких актах решены вопросы осуществления антикоррупционной экспертизы не только в отношении проектов нормативных актов, издаваемых соответ-

ствующими органами, но и в отношении разрабатываемых ими проектов федеральных законов [6]. Несомненно, это способствует выявлению и устранению большинства коррупционных факторов в законопроектах еще на этапе их разработки и до внесения в Государственную Думу Правительством Российской Федерации.

Вместе с тем проведение антикоррупционной экспертизы законопроектов до их внесения в парламент ни в коем случае не должно вести к отказу от проведения такой экспертизы непосредственно специалистами аппарата законодательного органа или сторонними экспертами, которые привлекаются законодателем к экспертизе внесенных в парламент законопроектов для обеспечения ее независимого и комплексного характера. В данном случае экспертиза выступает как одна из составляющей независимости законодательной власти, что предполагает ее право самостоятельно оценивать рассматриваемые парламентом законопроекты и на основе такой оценки принимать по ним решения.

Проведение антикоррупционной экспертизы внесенных в парламент законопроектов особенно актуально в отношении тех законопроектов, которые вносятся в законодательный орган его депутатами, так как очень часто подготовленные ими законопроекты характеризуются низким уровнем экспертной проработки либо являются прямым лоббированием интересов определенных структур.

В отсутствие в настоящее время на федеральном уровне действующих федеральных законов о нормативных правовых актах Российской Федерации и о порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов основным нормативным актом, регламентирующим проведение антикоррупционной экспертизы внесенных в Государственную Думу законопроектов, должен являться Регламент Государственной Думы, утвержденный постановлением Государственной Думы от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД [7].

Однако анализ этого нормативного акта показывает отсутствие в нем норм, предусматривающих антикоррупционную экспертизу внесенных в Государственную Думу законопроектов. В то же время проведение правовой, лингвистической, а также юридико-технической экспертизы законопроектов перед их рассмотрением Государственной Думой Регламент Государственной Думы предусматривает в обязательном порядке.

В отсутствие в Регламенте Государственной Думы положений о проведении антикоррупционной экспертизы внесенных в Государственную Думу законопроектов следует, по всей видимости, руководствоваться положениями части 4 статьи 3 Федерального закона № 172-ФЗ, согласно которой органы, организации, их должностные лица проводят антикоррупционную экспертизу принятых ими нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) при проведении их правовой экспертизы и мониторинге их применения.

В то же время проведение антикоррупционной экспертизы внесенных в Государственную Думу законопроектов при проведении их правовой экспертизы не согласуется с положениями части третьей статьи 112 Регламента Государственной Думы, содержащей перечень вопросов, на которые должны быть даны ответы при проведении правовой экспертизы. К числу таких вопросов не отнесено выявление коррупционных факторов и дача предложений по их устранению. Что же касается проведения правовой экспертизы в рамках осуществления мониторинга правоприменения, то это не согласуется с самой сутью этого института, задачей которого является оценка уже действующего нормативного акта, а не его проекта.

Таким образом, налицо очевидный пробел в Регламенте Государственной Думы в отношении проведения антикоррупционной экспертизы внесенных в Государственную Думу законопроектов, который должен быть восполнен [8]. В данном случае уместно привести пример регламентации проведения антикоррупционной экспертизы из Регламента другой палаты Федерального Собрания Российской Федерации – Совета Федерации [9].

Согласно этому документу проведение антикоррупционной экспертизы одобренных Государственной Думой и переданных на рассмотрение Совета Федерации федеральных конституционных законов, принятых Государственной Думой и переданных на рассмотрение Совета Федерации федеральных законов возложено на профильный комитет Совета Федерации, который отражает результаты антикоррупционной экспертизы в своем заключении на законопроект. Представляется, что такого рода норма по отношению к проведению антикоррупционной экспертизы внесенных в Государственную Думу законопроектов могла бы найти свое закрепление и в Регламенте Государственной Думы. В таком случае в заключении ответственного комитета Государственной Думы, которое является основным экспертным материалом по законопроекту и, как правило, определяет его дальнейшую судьбу, в обязательном порядке указывались бы результаты антикоррупционной экспертизы законопроекта.

Большой потенциал по проведению антикоррупционной экспертизы внесенных в Государственную Думу законопроектов заключается в использовании для ее проведения сторонних экспертных ресурсов, которыми располагают комитеты Государственной Думы. Практически во всех из них сформированы научно-экспертные советы, в состав которых входят высококвалифицированные специалисты, в том числе и в области права. К задачам некоторых из этих советов документами, регламентирующими их деятельность, прямо отнесена экспертная оценка коррупционности отдельных норм и положений законопроектов, находящихся на рассмотрении в комитете Государственной Думы [10].

Повышению эффективности проведения антикоррупционной экспертизы законопроектов специалистами научно-экспертных советов, созданных при комитетах Государственной Думы, способствовало бы закрепление в Регламенте Государственной Думы статуса таких экспертных советов, основных задач их деятельности и общего порядка работы, в том числе вопросов подготовки экспертных заключений на законопроекты.

Еще одним важным направлением совершенствования проведения антикоррупционной экспертизы внесенных в Государственную Думу законопроектов является тесное взаимодействие в законодательном процессе комитетов Государственной Думы с Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов является отдельной функцией органов прокуратуры, закрепленной в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [11].

В процессе осуществления надзора за соблюдением законов в органах прокуратуры накапливается огромный массив информации о недостатках действующего законодательства, в том числе о наличии в нем норм, способствующих проявлению коррупции. В отсутствие у органов прокуратуры права законодательной инициативы в федеральном законодательном процессе (что лишает Генеральную прокуратуру возможности внести законопроект в Государственную Думу) необходимое взаи-

действие федерального законодателя и Генеральной прокуратуры должно осуществляться на регулярной и систематической основе в рамках подготовки органами прокуратуры заключений на проекты федеральных законов, внесенных в Государственную Думу.

Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 сентября 2007 г. № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» установлено, что Генеральная прокуратура Российской Федерации дает заключения на проекты федеральных законов и иные нормативные правовые акты, поступающие из Администрации Президента Российской Федерации, палат Федерального Собрания, Аппарата Правительства Российской Федерации, а также предусмотрено, что одним из основных направлений взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации с палатами Федерального Собрания является подготовка заключений на законопроекты, находящиеся на рассмотрении Государственной Думы, и поправок к ним [12].

Повышению взаимодействия Государственной Думы с Генеральной прокуратурой Российской Федерации способствовало бы закрепление в Регламенте Государственной Думы корреспондирующих с указанным приказом положений, обязывающих направлять внесенные в Государственную Думу законопроекты в Генеральную прокуратуру Российской Федерации для подготовки заключений как по решению Совета Государственной Думы, так и, при необходимости, по решению ответственного комитета Государственной Думы перед подготовкой законопроекта ко второму чтению и с учетом внесенных в его текст поправок, рекомендуемых комитетом к принятию.

Как показывает практика, зачастую именно посредством внесения в текст законопроекта поправок в процессе его рассмотрения во втором чтении в законопроекте могут появляться потенциальные коррупционные нормы как результат эффективного лоббирования своих интересов определенными органами и структурами и крайне сжатых сроков подготовки законопроекта к рассмотрению во втором чтении, что препятствует его надлежащей экспертной проработке. Выход из сложившейся ситуации видится также в дополнительной регламентации процедур федерального законодательного процесса в части подготовки законопроекта к рассмотрению Государственной Думы во втором чтении.

Значительный содержательный опыт проведения антикоррупционной экспертизы законопроектов в рамках законодательного процесса накоплен в субъектах Российской Федерации. Во многих из них приняты законы, регламентирующие содержание законотворческого и законодательного процесса, в первую очередь законы о нормативных правовых актах, в которых регулируются наиболее общие вопросы проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов [13].

Представляется, что принятие такого законодательного акта на федеральном уровне, проект которого неоднократно разрабатывался коллективами ученых в инициативном порядке [14] и даже вносился в Государственную Думу, является объективной необходимостью. В свою очередь, конкретизация порядка проведения антикоррупционной экспертизы законопроектов применительно к федеральному законодательному процессу могла бы найти свое отражение в федеральном законе о по-

рядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов, проект которого также вносился в Государственную Думу и формально до сих пор находится на рассмотрении палаты [15], а также в Регламенте Государственной Думы.

При совершенствовании положений последнего целесообразно учитывать опыт законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Так, заслуживают, на наш взгляд, внимания положения Регламента Московской областной Думы, который в числе требований к внесению законопроектов в этот законодательный орган предусматривает обязательное указание в пояснительной записке к законопроекту результатов первичной антикоррупционной экспертизы с выводом о том, что коррупциогенные факторы в законопроекте отсутствуют. При этом отсутствие в пояснительной записке вывода о том, что в законопроекте нет коррупциогенных факторов, является в соответствии с Законом Московской области № 31/2009-ОЗ «О мерах по противодействию коррупции в Московской области» основанием для отказа в принятии законопроекта к рассмотрению Думой [16].

Закрепление в Федеральном законе № 172-ФЗ и Регламенте Государственной Думы норм об обязательности проведения первичной антикоррупционной экспертизы любым субъектом права законодательной инициативы в качестве обязательного условия внесения законопроекта в Государственную Думу позволило бы усилить антикоррупционную составляющую в федеральном законотворческом процессе и ориентировало бы субъектов права законодательной инициативы на дополнительную экспертную проработку законопроектов при необходимости с привлечением сторонних специалистов, что способствовало бы повышению качества вносимых в Государственную Думу законодательных инициатив.

Заслуживает также внимания и предложение о том, чтобы возложить проведение антикоррупционной экспертизы всех подготовленных к внесению в Государственную Думу законопроектов на Министерство юстиции Российской Федерации и в обязательном порядке представлять соответствующее заключение при внесении законопроекта в Государственную Думу [17]. Очевидно, в этом случае необходима также четкая законодательная регламентация порядка и сроков проведения такой экспертизы Минюстом России, так как в ином случае возможны произвольные ограничения прав субъектов права законодательной инициативы со стороны этого органа.

Одним из перспективных направлений совершенствования проведения антикоррупционной экспертизы законопроектов является ее внедрение в качестве одного из этапов правового мониторинга [18]. В этой связи требует своего решения целый ряд вопросов, связанных с институционализацией данной юридической технологии в рамках экспертного обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы, включая определение целей, задач и стадий правового мониторинга, его субъектов, их компетенции, а также порядка их взаимодействия между собой.

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что значительный потенциал в повышении эффективности проведения антикоррупционной экспертизы внесенных в Государственную Думу законопроектов заключается в совершенствовании необходимой нормативной правовой базы, обеспечивающей ее проведение, и в первую очередь Регламента Государственной Думы. Для органичного встраивания антикоррупционной экспертизы законопроектов в федеральный законодательный процесс прежде всего должны быть закреплены обязательность проведения такой экспертизы в отношении всех внесенных в Государственную Думу законопроек-

тов, субъекты осуществления экспертизы, порядок ее инициирования, сроки проведения и механизм учета результатов.

Требуется также совершенствование регламентации процедур федерального законодательного процесса, что позволит не допустить случаи недостаточной экспертной проработки законопроекта в связи с крайне сжатыми сроками его подготовки к рассмотрению Государственной Думой.

Принятие и вступление в силу федеральных законов о нормативных правовых актах и о порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов и наличие в них положений об обязательном проведении антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов, в том числе внесенных в Государственную Думу законопроектов, также способствовало бы повышению эффективности проведения антикоррупционной экспертизы в рамках федерального законодательного процесса, так как позволило бы установить необходимые требования к проведению такой экспертизы не только в отношении внутренних структур Государственной Думы, но и в отношении иных органов и организаций.

Кроме того, наличие соответствующих норм, закрепленных законодательно, позволило бы обеспечить надлежащую стабильность правового регулирования и стало бы гарантией от изменения корреспондирующих им положений Регламента Государственной Думы в зависимости от политической конъюнктуры в конкретном со- зыве Государственной Думы.

Библиографический список

1. См.: *Komarov S., Veselov I.* Optimization of legal examination of the bills introduced in the State Duma of Federal Assembly of the Russian Federation // *Japanese Educational and Scientific Review*. 2015. № 1 (9) (January-June). Volume XI. "Tokyo University Press", 2015. P. 546-555; *Кудрявцев В.Л.* Антикоррупционная экспертиза: вопросы теории и методики производства // *Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов* / сост. Е.Р. Россинская. М., 2010; *Талапина Э.В., Южаков В.Н.* Методика первичного анализа (экспертизы) коррупционности нормативных правовых актов / под ред. В.Н. Южакова. М., 2007. С. 20.

2. См. ст. 1 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // *Собрание законодательства РФ*. 2009. № 29. Ст. 3609.

3. См.: *Хабриева Т.Я.* Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // *Журнал российского права*. 2009. № 10. С. 5-13.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения 20.09.2016 г.).

5. Соответствующая методика утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 // *Собрание законодательства РФ*. 2010. № 10. Ст. 1084.

6. См., например: Положение об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России, утв. приказом МВД России от 24 февраля 2012 № 120; Порядок организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, проектов нормативных правовых актов и иных документов

в Министерстве здравоохранения Российской Федерации, утв. приказом Минздрава России от 24 сентября 2012 г. № 218н.

7. Собрание законодательства РФ.1998. № 7. Ст. 801.

8. Следует отметить, что Регламент Государственной Думы, не предусматривая антикоррупционной экспертизы внесенных в Государственную Думу законопроектов, вместе с тем не исключает возможности ее проведения, что предоставляет федеральному законодателю, на наш взгляд, неоправданно широкую дискрецию в решении вопросов проведения такой экспертизы.

9. См.: Постановление Совета Федерации от 30 января 2002 г.№ 33-СФ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 7. Ст. 635.

10. См.: Положение об Экспертном совете Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции. URL: <http://www.komitet2-16.km.duma.gov.ru/site.xp/051057049124054056051.html>(дата обращения 20.09.2016 г.).

11. Собрание законодательства РФ.1995. № 47. Ст. 4472.

12. URL: <http://www.genproc.gov.ru/documents/orders/document-14300/#sel=> (дата обращения 20.09.2016 г.).

13. Например, в соответствии со статьей 4.1 Закона Краснодарского края от 6 июня 1995 года № 7-КЗ «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края» антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов края и их проектов проводится органами государственной власти Краснодарского края в порядке, установленном нормативными правовыми актами законодательного (представительного) органа государственной власти Краснодарского края и высшего исполнительного органа государственной власти Краснодарского края согласно методике, определенной Правительством Российской Федерации // Кубанские новости. 1995. № 98, 21 июня.

14. См.: *Пиголкин А.С., Казьмин И.Ф, Рахманина Т.Н.* Инициативный проект Закона «О нормативно-правовых актах Российской Федерации» // Государство и право. 1992. № 7. С. 76-86; *Поленина С.В., Лазарев Б.М., Лившиц Р.З., Козлов А.Е., Глушко Е.К.* Инициативный проект федерального закона «О законах и иных нормативно-правовых актах РФ» // Государство и право. 1995. № 3. С. 57-68; Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013.

15. Законопроект № 97700183-2 «О порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов», внесенный в Государственную Думу Президентом Российской Федерации в 1997 году и принятый палатой в первом чтении // По данным Автоматизированной системы обеспечения законодательной деятельности URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/>

16. См. статью 94 Регламента Московской областной Думы, утв. постановлением Московской областной Думы от 9 июня 2011 г. № 7/160-П // СПС Консультант-плюс «Региональное законодательство».

17. *Маркина В.С.* Проблемы проведения Министерством юстиции РФ антикоррупционной экспертизы нормативных актов // Административное право и процесс. 2012. № 11. С. 68-70.

18. См.: Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики: монография / под ред. Н.Н. Черногора. М.: Изд-во Международного юридического института, 2010. С. 21.

Р.С.Волостных*

ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь между профессиональным правосознанием и правовой идеологией. Также представляется, что правовая идеология может оказывать воздействие на профессиональное правосознание.

Ключевые слова: правовая идеология, профессиональное правосознание, нравственность.

LEGAL IDEOLOGY IN THE PROCESS OF FORMING PROFESSIONAL LEGAL AWARENESS

Annotation. This article analyzes interrelationship between the professional legal consciousness and the legal ideology. Also this article shows that legal ideology can influence on professional legal consciousness.

Keywords: legal ideology, professional legal consciousness, morality.

Одной из актуальных проблем современной теории права по-прежнему остается проблема формирования профессионального правосознания. Само по себе определение критериев и условий, по которым можно определить, является ли гражданин *de facto* носителем профессионального правосознания или не является таковым, – процесс не просто трудоемкий, а зачастую и невозможный. Вообще восприятие правовой действительности носит далеко не однородный характер. К примеру, в массовом правосознании контрастирует друг с другом множество зачастую противоположных оценок и взглядов на одни и те же правовые явления.

Наличие квалификации в общем, а в частности – знаний, полученных в процессе обучения, и навыков, приобретенных в ходе осуществления профессиональной деятельности, дает нам возможность предположить, что взгляды на правовую действительность у представителей когорты юристов должны хоть и не в высшей степени, но все же коррелировать между собой. Исходя из этого, под носителями профессионального правосознания мы предлагаем понимать прежде всего квалифицированных юристов, а также иных специалистов, в силу профессиональной деятельности которых право является основополагающим инструментом, посредством которого обеспечивается осуществление должностных обязанностей. Если не брать за критерий наличие профессиональной квалификации, то с известной степенью ус-

* **Волостных Роман Сергеевич** – аспирант Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Государственный гуманитарно-социальный университет»; старший специалист по работе с личным составом 1 СБ ДПС ГИБДД на спецтрассе ГУ МВД России по г. Москве. E-mail: Volostnykh87@mail.ru

Volostnykh Roman – postgraduate student of State educational institution of higher professional education Moscow region "State humanitarian-social University", senior specialist on work with the personnel of the 1 SB of the traffic on spectrace GU MVD of Russia in Moscow.

ловности сюда же можно отнести и студентов юридических факультетов. В связи с этим Н.Н. Вопленко пишет: «...особо остро и актуально звучит проблема профессионального образования и воспитания студентов – будущих юристов. Субъективно усвоенный ими «багаж» правовых знаний должен быть сориентирован на вечные и общечеловеческие идеалы, ценности и представления о гражданском и профессиональном долге» [1, с. 18]. Примечательно, что 26 мая 2009 г. Президент РФ подписал Указ № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации», целью которого является «формирование у обучающихся нетерпимости к коррупционному поведению и уважительного отношения к праву и закону» [2].

Если массовое правосознание в своей общей части формируется стихийно, то процесс формирования профессионального правосознания протекает исключительно спланированным образом. То есть для того, чтобы формировать профессиональное правосознание, нам необходимо совершать конкретные целенаправленные действия в целях получения профессионально-правовых знаний, навыков, установок и т.д. Согласимся с тем, что формирование профессионального правосознания во многом осуществляется самим профессиональным сообществом. Например, Н.Я. Соколов утверждает, что «в отличие от непрофессионального, которое формируется в основном с помощью средств массовой информации, правосознание юристов формирует прежде всего сама профессиональная группа» [3, с. 56].

Правовая идеология, являясь одним из структурообразующих элементов феномена правосознания, по нашему глубокому убеждению, играет роль правового механизма, воздействующего на его формирование. Совершенно справедливо А.Ф.Байков замечает, что одной из функций правовой идеологии является «...формирование правосознания в соответствии с содержанием правовой идеологии...» [4, с. 70]. Исторически критерии высокой морали и нравственности играют огромную роль в народном правосознании. Нравственность тесно связана с религиозной компонентой. Так, И.А.Ильин пишет о роли религии в праве: «Подлинная религиозность не может пройти мимо права и государства: она вынуждена определить свое отношение к ним и к правосознанию» [5, с. 389].

В связи с вышеизложенным мы предлагаем понимать правовую идеологию как механизм, призванный воздействовать на правосознание, содержащий в своей основе правовые идеалы и ценности, выработанные обществом, как неоспоримо истинные и справедливые.

Так каким же образом правовая идеология должна оказывать влияние на профессиональное правосознание? Какую роль она играет в процессе его формирования?

В настоящее время правовая безграмотность и правовой нигилизм, определяемые, к примеру, как «отрицание индивидом или социальной группой правовых идей, нашедших свое отражение в действующих юридических нормах» [6, с. 8], стали довольно распространенными явлениями не только в массовом правосознании. Деформация профессионального правосознания в силу различных причин – это та глобальная проблема, решение которой должно быть осуществлено в первую очередь посредством идеологического воздействия. Искажение моральных ценностей и нравственных устоев, лежащих в основе профессионального правосознания, является собой бич правовой действительности. Ранее А.Я. Вышинский в своем труде «Теория судебных доказательств в советском праве» писал о той важной роли, которую играют нравственные установки в профессиональном правосознании: «Оценивая тот или

иной факт, делая из этой оценки те или иные выводы по всему делу и кладя эти выводы в основу своего приговора, судья не может не считаться с голосом своей «совести», пониманием того, что хорошо и что дурно, что «нравственно» и что «безнравственно», что «справедливо» и что «несправедливо». Судья связан определенными принципами, с точки зрения которых он и подходит к конкретным фактам и дает им ту или иную оценку. Вполне понятно поэтому то громадное значение в деле отправления правосудия, которое имеют судейские кадры, люди, являющиеся живыми носителями взглядов, идей, принципов, всего правосознания» [7, с. 159]. И ведь действительно, не всегда можно корректно разрешить ту или иную коллизию, принимая во внимание и руководствуясь лишь догматичностью норм права.

О признании проблемы нравственности и этики, тесно связанной с формированием профессионального правосознания, А.Ф. Кони замечал: «Раскрытие, изучение и выяснение этических начал, проникающих Уставы, и разработка системы нравственных правил – этого *nonscripta, sed natalex* [8], – которыми должны быть проникнуты приемы и содержание деятельности обвинителя, защитника и судьи, могут составить одну из заманчивых и плодотворных задач Юридического общества» [9, с. 314]. Действительно, моральные установки в правосознании юриста играют роль идеологического наполнения в его деятельности. В отношении взаимосвязи правовой идеологии и профессионального правосознания А.Я. Вышинский ранее также отмечал: «Что собой будет представлять «внутреннее убеждение» судьи, как оно будет складываться, как оно будет находить свое выражение в судебных решениях и приговорах, – это в решающей степени зависит от личного состава судей, от их классового положения, от того, какова их общая, политическая и правовая идеология» [10, с. 159]. Здесь мы можем видеть, какую важную роль А.Я. Вышинский отводил правовой идеологии в профессиональном правосознании судьи, выделяя ее как одну из основных составляющих в деле отправления правосудия.

О присутствии идеологической составляющей и ее характерных признаках в правосознании В.А.Сапун отмечал следующее: «Рационально-идеологические и практические (поведенческие) компоненты профессионального правосознания, занимающие в нем главенствующее место, отличаются системностью, конкретностью и детализированностью. Они включают навыки правоприменительной деятельности, умения пользоваться юридическим инструментарием» [11, с. 24]. Определенные навыки и результаты деятельности юриста-профессионала напрямую зависят от их идеологического содержания.

О сущности профессионального правосознания и о его конкретных выражениях советский правовед Н.Я.Соколов пишет: «Сущность правового сознания юристов конкретизируется в его содержании – системе присущих данной профессиональной группе правовых знаний, оценок, представлений, стереотипов, традиций, привычек, ценностных ориентаций и т.д.» [12, с. 19]. По нашему мнению, именно ценностные ориентации – это тот главнейший из элементов, который содержит в себе правовая идеология. Именно через призму этих установок формируются оценки правовой действительности, стереотипы и привычки. Именно этот элемент является краеугольным камнем данного понятия.

В связи с вышеизложенным можно предположить, что правовая идеология является собой механизм, направленный на формирование правосознания, посредством действия которого закладываются и пропагандируются основные и бесспорные поведенческие и мыслительные стереотипы, соответствующие нравственности и спра-

ведливости. Здесь стоит отметить, что термин «пропаганда» не стоит воспринимать с неким негативным оттенком. В конкретном случае для получения положительного результата должно проводиться действительно мощнейшее воздействие на профессиональное правосознание. Правовая идеология призвана не только должным образом формировать профессиональное правосознание, она также должна выступать постоянным регулятором профессиональной деятельности юриста. Не только поддерживать ее формальную легитимность, но также и корректировать любые ее отклонения с позиций нравственности и истинности.

Резюмируя, следует отметить, что правовая идеология призвана оказывать положительное влияние в профессиональном правосознании первостепенно также и тогда, когда определенный правовой момент нуждается в его разрешении не только с позиции чистой теории права, но требует еще и того «внутреннего убеждения» и «внутренней оценки». Здесь имеет место тонкий момент, когда формальной, зачастую сухой буквы закона не хватает для разрешения определенной ситуации и нужна оценка, которую может дать только человек. Это та оценка, которая в конечном итоге станет определяющей точкой в исходе дела. Это тот выбор, который делает юрист-профессионал, заключающий в своих руках всю силу правосудия, и этот выбор должен быть осуществлен не только в соответствии с формальным правом, но также и *ex aequo et bono* [13].

Библиографический список

1. *Вопленко Н.Н.* Правосознание и правовая культура: учебное пособие. Волгоград, 2000. С. 18.
2. Указ Президента Российской Федерации от 26 мая 2009 г. №599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2009. № 599. Ст. 2698.
3. *Соколов Н.Я.* Профессиональное сознание юристов. Новосибирск, 1988. С. 56.
4. *Байков А.Ф.* Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 70.
5. *Ильин И.А.* О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 389.
6. *Гуляихин В.Н.* Правовой нигилизм в России: монография. Волгоград, 2005. С.8.
7. *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С. 159.
8. Не писанный, а естественный закон (*лат.*).
9. *Кони А.Ф.* Собрание сочинений. М., 1967. Т.4. С.314.
10. *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С. 159.
11. *Сапун В.А.* Социалистическое правосознание и реализация советского права. Владивосток, 1984. С.24.
12. *Соколов Н.Я.* Профессиональное сознание юристов. Новосибирск, 1988. С. 19.
13. По справедливости и добро (а не по формальному праву) / С добром и справедливостью\ (*лат.*).

Н.И.Горлова*

Е.В.Крутицкая**

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация.** В статье представлен обзор нормативных актов, регулирующих добровольческую (волонтерскую) деятельность на территориях регионов Российской Федерации. Особый акцент сделан на анализе правового статуса волонтеров, регламентации их деятельности на местном уровне, особенностях осуществления благотворительной деятельности на территориях тех или иных субъектов Российской Федерации. Обозначены проблемы и тенденции в нормативно-правовом регулировании Российской Федерации практики добровольчества.*

***Ключевые слова:** добровольчество, волонтерство, субъекты Российской Федерации, благотворительная деятельность, правовые акты, негосударственные некоммерческие организации, формы волонтерской деятельности, статус, поддержка волонтерства, социальная политика государства.*

LEGAL ASSESSMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION REGIONAL REGULATIONS IN THE PRACTICE OF ORGANIZING VOLUNTEERING

***Annotation.** The article provides an overview of regulations governing volunteer (volunteer) activities in the regions of Russia. Particular emphasis is placed on the analysis of the legal status of volunteers, the regulation of their activities at the local level, especially the implementation of charitable activities in the territory of one or another country entities. The problems and trends in the legal regulation of voluntary practice.*

***Keywords:** Volunteering, volunteering, RF subjects, charitable activities, legal acts, non-profit organization, the form of volunteer activity, status, support for volunteering, social policy.*

На региональном уровне добровольчество регламентируют законы, указы и постановления органов местного самоуправления. Регламентируя вопросы доброволь-

* **Н.И. Горлова** – кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга спортивной индустрии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. E-mail: gorlova-nat@yandex.ru

N.I. Gorlova – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Management and Marketing sports industry Plekhanov Russian University of Economics, Moscow.

** **Е.В. Крутицкая** – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой рекламы, маркетинга и связей с общественностью Российского государственного социального университета. E-mail: elenkakrutitskaya@gmail.com

E.V. Krutitskaya – candidate of historical sciences, associate professor, head of the Department of Advertising, Marketing and Public Relations Russian State Social University.

чества и волонтерских организаций, они фактически сформировали общегосударственную технологию деятельности добровольцев. Субъекты Российской Федерации осуществляют правовое регулирование в данной области только в пределах своих полномочий. При организации и осуществлении добровольческой деятельности в субъектах Российской Федерации используется понятийный аппарат, изложенный в региональных правовых актах. Важно подчеркнуть, что в федеральном законодательстве понятие «добровольческая деятельность» не определяется. Однако в региональном законодательстве есть примеры ее удачного определения. Стоит отметить, что общегосударственного закона о добровольческой деятельности нет, что заметно затрудняет формирование нормативно-правовой базы волонтерства в регионах. Однако некоторые субъекты Российской Федерации пошли дальше и, не став дожидаться принятия общефедерального закона о волонтерской деятельности, издали собственные нормативные правовые акты о волонтерах (добровольцах). Соответствующие законы уже действуют в ряде субъектов Российской Федерации. На наш взгляд, в качестве удачного примера можно привести законы, регулирующие организацию добровольческого движения в Пермском крае, Владимирской, Вологодской и Воронежской областях.

В Концепции развития социального добровольчества в г. Санкт-Петербурге на 2008-2011 гг., утвержденной постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 23 января 2008 г. № 45 (в ред. постановления Правительства СПб от 02.11.2010 г. № 1484), используются следующие основные понятия: «Добровольческая деятельность – способ самовыражения и самореализации граждан, действующих индивидуально или коллективно на благо других людей или общества в целом. Молодежное добровольчество – практическая добровольческая деятельность молодежи по предметному решению общественных проблем, осуществляемая без принуждения и оказывающая социализирующее влияние на субъект деятельности».

В Законе г. Москвы от 12.07. 2006 г. № 38 «О взаимодействии органов государственной власти города Москвы с негосударственными некоммерческими организациями» даются следующие определения: «Добровольческая деятельность – добровольная безвозмездная социально значимая деятельность добровольцев (волонтеров), реализуемая гражданами самостоятельно и/или по поручению негосударственной некоммерческой организации.

Добровольцы (волонтеры) – граждане, безвозмездно осуществляющие добровольческую деятельность в интересах благополучателя, в том числе в интересах благотворительной организации. Организатор добровольческой деятельности – негосударственная некоммерческая организация, обеспечивающая осуществление добровольческой деятельности» [1].

В ст. 11 Закона г. Москвы № 38 описаны формы добровольческой деятельности: оказание помощи в виде безвозмездной услуги благополучателям; осуществление общественно полезной деятельности, участие в реализации благотворительных программ.

В то же время в аналогичном Законе «О взаимодействии органов государственной власти Кемеровской области с некоммерческими организациями» вообще нет упоминания о добровольческой деятельности. В законе Краснодарского края «О физической культуре и спорте в Краснодарском крае» закреплено понятие: «волонтеры – физические лица, участвующие на добровольной и безвозмездной основе в организации и проведении физкультурных мероприятий, спортивных мероприятий,

проводимых на территории Краснодарского края» [2]. Из региональных нормативных правовых актов стоит также выделить Положение о волонтерах и волонтерской деятельности в Великом Новгороде, в ст. 5 которого прописаны права и обязанности волонтеров и организаций, занимающихся организацией добровольчества, а также концепцию развития волонтерской (добровольческой) деятельности молодежи в Саратовской области на 2011-2015 гг., где главной целью добровольчества является «создание условий для реализации прав молодых граждан на добровольное, безвозмездное и непосредственное участие в решении социально значимых проблем населения области с целью самореализации, приобретения новых знаний и навыков, повышения профессиональных и организаторских способностей, обеспечения общественной безопасности и пр.» [3].

20 ноября 2014 г. Законодательным Собранием Пермского края был принят Закон «О развитии добровольчества (волонтерства) в Пермском крае» [4]. В законе дается определение волонтерства, волонтерской деятельности, волонтера, волонтерской организации. Так, под добровольчеством (волонтерством) данный закон понимает «социально направленные действия, включающие традиционные формы взаимопомощи, предоставление услуг и другие формы гражданского участия, осуществляемые безвозмездно на основе осознанного выбора, с пользой для общества в целом и отдельных граждан», а добровольческая (волонтерская) деятельность определяется как «индивидуальная или групповая, добровольная социально направленная сознательная деятельность граждан любого пола, возраста и вероисповедания, не связанная с извлечением прибыли, осуществляемая в свободное от работы (учебы) время путем выполнения работ, оказания услуг в формах и видах, предусмотренных настоящим Законом» [4, ст. 1]. Доброволец (волонтер) согласно этому Закону – это «гражданин, безвозмездно реализующий свои права и ответственность члена общества, который одновременно с процессом познания нового, совершенствования своей жизни, раскрытия своего человеческого потенциала осуществляет в свободное от работы (учебы) время добровольную социально направленную, общественно полезную деятельность в формах и видах, предусмотренных настоящим Законом» [4]. Волонтерская деятельность в соответствии с Законом может осуществляться индивидуально, в составе незарегистрированного объединения или группы и через добровольческую (волонтерскую) организацию. Закон выделяет следующие формы волонтерской деятельности: «оказание помощи лицам, пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, техногенных и других катастроф, в результате социальных конфликтов, несчастных случаев, жертвам преступлений, беженцам и вынужденным переселенцам, а также иным категориям и группам лиц, нуждающимся в посторонней помощи и поддержке, в том числе в учреждениях сферы здравоохранения, образования и социальной защиты; участие в предупреждении населения о стихийных бедствиях, экологических, техногенных и других катастрофах, в преодолении их последствий; участие в защите и охране окружающей среды, благоустройстве территорий; участие в развитии образования, науки, популяризации знаний, развитии инноваций; участие в сохранении культурного наследия и историко-культурной среды, памятников истории и культуры; участие в развитии и популяризации физической культуры, спорта и активного досуга; ведение работы по пропаганде здорового образа жизни, организации и проведению профилактической работы по противодействию распространению социально значимых заболеваний; иная добровольческая (волонтерская) деятельность» [4, ч. 2, ст. 3].

Закон Владимирской области о поддержке добровольчества от 14.02. 2013 г. содержит всего семь статей, которые лишь определяют направления развития добровольческой деятельности в регионе [5]. Здесь представлено общепринятое определение добровольчества, принципы его развития, условия, способствующие развитию этой социально полезной деятельности, а также ряд направлений его господдержки.

Закон Воронежской области «О добровольческой деятельности (волонтерстве)» дает волонтерской деятельности несколько иное определение, нежели предыдущий нормативный правовой акт. Это «деятельность, осуществляемая добровольно в свободное от работы (учебы) время, без оплаты, самостоятельно либо по поручению организатора добровольческой деятельности в интересах благополучателей в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг» [6, с. 140].

Следует констатировать, что в настоящее время органам государственной власти регионального уровня и органам местного самоуправления предоставлены широкие возможности осуществления поддержки как благотворительных организаций, так и благотворительной деятельности в целом. Сегодня публичные субъекты получили право самостоятельно (в рамках норм действующего российского законодательства) избирать меры и формы поддержки благотворительности как составной части социальной политики государства. Более того, отдельными нормативными актами также подчеркивается право соответствующих субъектов на самостоятельное решение вопроса о мерах и формах поддержки благотворительной деятельности. В частности, п. 9.1 ст. 26.3 Федерального закона от 06.10.1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» установил, что к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации относится решение вопросов поддержки благотворительной деятельности и добровольчества, а также организации и осуществления региональных и муниципальных программ благотворительной деятельности и добровольчества.

В целом законы субъектов Российской Федерации соответствуют положениям Федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»: Закон Брянской области от 10.06.2008 № 43-З «О поддержке благотворительной деятельности в Брянской области»; Закон Липецкой области от 31.12.2009 г. № 339-ОЗ «О благотворительной деятельности в Липецкой области»; Закон Тульской области от 18.12.2008 г. № 1190-ЗТО «О поддержке благотворительной деятельности в Тульской области»; Закон Ульяновской области от 08.01.2008 г. № 151-ЗО «О государственной поддержке благотворительной деятельности в Ульяновской области» и др.

Все упомянутые нормативные документы устанавливают особенности осуществления благотворительной деятельности на территории конкретного субъекта Российской Федерации, а также предусматривают дополнительные гарантии такой деятельности. Вместе с тем каждый из них особо подчеркивает, что принят в соответствии с Федеральным законом «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» и иными актами федерального уровня.

Отсутствие во многих субъектах Российской Федерации специальных законов о благотворительной деятельности так же, как и о добровольчестве (волонтерстве), не означает, что эти виды социально полезной деятельности остаются без внимания региональных властей и государственной поддержки. В ряде субъектов действуют

законы о государственной поддержке благотворительной деятельности [7]. Все эти нормативные правовые акты в целом напоминают рассмотренные выше законы субъектов Российской Федерации о благотворительности, однако здесь больший уклон делается не на общие понятия и направления благотворительной деятельности, а на ее господдержку.

Муниципальные образования в пределах своих полномочий, предоставленных Федеральным законом от 06.10.2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», вправе определять перечень дополнительных гарантий для лиц, осуществляющих благотворительную деятельность на территории соответствующего муниципального образования, а также дополнительные правила и условия такой деятельности при соблюдении непротиворечия муниципальных норм нормам федерального законодательства и нормам законодательства соответствующего субъекта Российской Федерации. Например, Федеральный закон «Об организации и проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» стал основанием для принятия Городской целевой программы «Волонтеры Новороссийска на 2011 – 2013 годы».

Кроме того, Федеральный закон «Об основных принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (п.25 ст.15) определяет, что оказание поддержки благотворительной деятельности и добровольчеству относится к числу вопросов местного значения, по которым органы местного самоуправления вправе принимать самостоятельные властные решения, имеющие нормативный характер.

Законодательство Российской Федерации предусматривает осуществление благотворительной и добровольческой деятельности физическими и юридическими лицами в соответствии с принципом добровольности. Граждане и организации вправе самостоятельно решать, в каком объеме и в какой форме заниматься данным видом деятельности. Государство и органы местного самоуправления, со своей стороны, обязуются создать благоприятные условия и нормативно-правовую среду для развития, организации и реализации волонтерского движения без непосредственного вмешательства. Непосредственное вмешательство государственных органов власти только мешает развитию практики добровольческой деятельности в стране. Первоочередная задача органов власти – обеспечить принцип равенства представленных и функционирующих добровольческих (волонтерских) организаций на территории страны. Государственные программы и заказы, бюджетные кредиты и субсидии должны быть представлены на конкурсной основе, выбор исполнителя должен осуществляться без всяких привилегий, с точки зрения оценки эффективности. В настоящее время государство стимулирует благотворительную деятельность посредством освобождения от уплаты налогов, таможенных сборов и иных обязательных платежей.

Таким образом, анализ нормативно-правовых документов в области организации практики добровольческой деятельности, управления волонтерскими ресурсами позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Правовые нормы, регулирующие общественные отношения в области организации добровольческого движения, содержатся в нормативных правовых актах регионального уровня и различной тематики, не имеют единой концептуальной основы, в них отсутствует единство понятийного аппарата.

2. Проблемы в нормативно-правовом регулировании частично восполняются разрозненными актами органов исполнительной власти. По существу, проблема организации добровольческого движения сегодня решается путем оперативного реагирования на возникающие проблемы в практике осуществления волонтерской деятельности на местах при отсутствии единой нормативной базы их решения.

3. Нормативно-правовое регулирование добровольческой деятельности граждан обусловлено необходимостью защиты прав участников волонтерского движения, обеспечения их социальными гарантиями.

Библиографический список

1. Закон города Москвы от 12.07.2006 г. № 38 «О взаимодействии органов государственной власти города Москвы с негосударственными некоммерческими организациями».

2. Закон Краснодарского края от 10.05.2011 г. № 2223-КЗ «О физической культуре и спорте в Краснодарском крае».

3. Постановление Правительства Саратовской области от 08.06. 2011 г. № 292-П "О Концепции развития волонтерской (добровольческой) деятельности молодежи в Саратовской области на 2011 – 2015 годы".

4. Закон Пермского края от 08.12.2014 г. № 410-ПК «О развитии добровольчества (волонтерства) в Пермском крае»// Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. 2014. № 49.

5. Закон Владимирской области от 14.02.2013 г. № 21-03 «О развитии добровольчества во Владимирской области».

6. Закон Воронежской области от 11.03.2013 г. № 02-03 «О добровольческой деятельности (волонтерстве)» // Собрание законодательства Воронежской области. 2013. № 8.

7. Закон Республики Адыгея от 31.07.2012 г. № 113 «О государственной поддержке благотворительной деятельности» // Собрание законодательства Республики Адыгея. 2012. № 7; Закон Республики Башкортостан от 27.09.2012 г. № 587-з «О государственной поддержке благотворительной деятельности в Республике Башкортостан»// Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2012. № 29(395). Ст. 1305; Закон Республики Коми от 05.05.2014. № 44-РЗ «О государственной поддержке благотворительной деятельности на территории Республики Коми»// Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. 2014. № 13. Ст. 214; Закон Архангельской области от 17.12.2012 г. № 594-36-03 «О государственной поддержке благотворительной деятельности в Архангельской области» // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов пятого созыва. 2012. № 36; Закон Курганской области от 30.09.2013 г. № 55 «О государственной поддержке благотворительной деятельности в Курганской области»// Новый мир – Документы, выпуск. 2013. № 77; Закон Пензенской области от 23.09.2003 г. № 516-ЗПО «О поддержке благотворительной деятельности в Пензенской области»// Ведомости ЗС Пензенской области. 2003. № 11. Ст. 159; Закон Тульской области от 18.12.2008 г. № 1190-ЗТО «О поддержке благотворительной деятельности в Тульской области»// Тульские известия. 2008. № 263; Закон Ульяновской области от 08.10.2008 г. № 151-30 «О государственной поддержке благотворительной деятельности в Ульяновской облас-

Теория государства и права

ти»// Ульяновская правда. 2008. № 83; Закон Челябинской области от 25. 11. 1999 г. № 98-30 «О государственной поддержке благотворительной деятельности в Челябинской области»// Ведомости Законодательного собрания Челябинской области. 1999. № 4; Закон Ярославской области от 06.12.2012 г. № 57-з «О государственной поддержке благотворительной деятельности в Ярославской области»// Документ-Регион. 2012. № 102.

И.В.Елисеев*

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ПРОЦЕДУРА МЕДИАЦИИ В РОССИИ

***Аннотация.** В статье дается анализ взаимосвязи процедуры медиации в России и элементов механизма правового воздействия, рассматривается история существования и развития институтов альтернативного разрешения споров, определяются причины как популярности, так и непопулярности процедуры медиации.*

***Ключевые слова:** Медиация, механизм правового воздействия, механизм правового регулирования, альтернативное разрешение споров, примирительные процедуры.*

THE MECHANISM OF LEGAL INFLUENCE AND THE MEDIATION PROCEDURE IN RUSSIA

***Summary.** The article provides an analysis of the relationship of mediation in Russia and elements of the mechanism of legal impact, given the history of existence and development institutions of alternative dispute resolution, determined the reasons of how popular activity and the unpopularity of the mediation.*

***Keywords:** Mediation, a mechanism of legal influence, legal mechanism, the regulation, alternative dispute resolution, conciliation.*

Постепенное развитие правового государства в Российской Федерации, преобразование, совершенствование имеющихся и становление новых правовых институтов актуализируют проблемы разрешения социальных, политических, экономических и других проблем. Право – мощнейший социальный регулятор. В данном контексте вопросы его влияния на общественные отношения приобретают особое значение.

Например, вследствие несовершенства классических технологий разрешения конфликтов в настоящее время в обществе наблюдается повышенная социальная конфликтность, результатом чего становится нарастающая с каждым годом судебная нагрузка.

Современные технологии регулирования конфликтов, их конструктивного разрешения опираются на понимание конфликта как противоборства сторон, осознающих противоположность своих интересов [17]. Классические, процессуальные формы решения конфликтов основываются на принципе состязательности. Состязание сторон нацелено на убеждение лица, которое принимает решение, в правильности позиции одной из сторон путем предоставления различных доказательств, обосновывающих их правоту. Непредоставление же обоснований своей позиции

* **Елисеев Илья Викторович** – аспирант Юридического института (Санкт-Петербург). Научный руководитель – д.ю.н. профессор С.А.Комаров. E-mail: iilyaeliseev@gmail.com

Eliseev Ilya Viktorovich – postgraduate student of the Law Institute (Saint Petersburg). Scientific supervisor – doctor of law professor S. A. Komarov.

влечет к проигрышу в деле. На наш взгляд, подобная постановка вопроса с позиции «победитель-проигравший» негативно влияет на социальную среду в государстве, что впоследствии не сказывается положительно на правосознании и правовой культуре. Другими словами, в российском обществе назрела потребность в новом, отличающемся от имеющихся способе разрешения конфликтов.

Характеризуя социальную роль права, особо выделяют правовое воздействие, под которым понимают не только нормативное, но и психологическое, идеологическое влияние права на чувства, сознание и действия людей [2, с. 297].

С принятием Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" (далее – Закон о медиации) и Федерального закона от 27.07.2010 № 194-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" законодатель институализировал процедуру медиации как легитимный способ урегулирования правовых споров, альтернативный правовому разрешению.

Указанные нормативные правовые акты имеют большую значимость для современного Российского государства, общества, общественных отношений. По мнению законодателя, внедрение в российскую правовую систему процедуры медиации снизит конфликтность гражданско-правовых отношений, а также существенно разгрузит судебную систему и ориентирует страну на формирование гражданского общества [22]. Данной точки зрения придерживаются и представители общественности, которые полагают, что использование примирительных процедур в разрешении конфликтов является инновационным в развитии юриспруденции в России, важным вкладом в укрепление правовой культуры российского общества, непременным условием успешного социально-экономического роста нашей страны [15].

В ст. 2 Закона о медиации имеется определение процедуры медиации как способа урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Однако данное определение не раскрывает само понятие медиации.

В.Ф. Яковлев предлагает определять медиацию как основанный на соглашении конфиденциальный процесс, в ходе которого стороны конфликта добровольно пытаются с помощью нейтрального третьего лица найти точки соприкосновения, которые позволят им выработать решение и урегулировать спор [25].

Медиация – явление для России новое. В связи с этим в настоящее время в научной литературе идет активное обсуждение проблем применения данной процедуры. Различные аспекты процедуры медиации были проанализированы в научных трудах таких ученых, как Е.И. Носырева, Д.Б. Елисеев, И.В. Решетникова, Ц.А. Шамликашвили, и др. [11, 12, 16, 23]. Однако проблема воздействия медиации на общественные отношения затрагивалась крайне мало, в связи с чем считаю, что она требует всестороннего и полного изучения.

В российской правовой науке существуют различные точки зрения относительно понятия правового воздействия.

Некоторые ученые видят в правовом воздействии влияние права на сознание и поведение людей на основании самого факта наличия правовых требований [14]. Другие рассматривают юридическое воздействие как оказание того или иного влияния

на общественные отношения и на их участников в направлении, которое в общем и целом определяется природой, назначением и политикой государства на каждом этапе развития общества [21].

На наш взгляд, Н.И. Матузов и А.В. Малько дали наиболее точную характеристику сущности права, представляя ее как взятый в единстве и многообразии процесс влияния права на социальную жизнь, сознание и поведение людей [20].

Следует особо выделить то, что правовое воздействие осуществляется не только специальными правовыми средствами, но и с помощью таких правовых явлений, как правовая культура общества, правосознание, правовые принципы, правотворческий процесс [5].

Исходя из данной позиции следует согласиться с мнением С.А. Комарова, который указывает на схожесть понятия правового воздействия, рассматриваемого в статическом состоянии, с категорией «правовая надстройка». Под «правовой надстройкой» в данном случае понимается вся совокупность юридических явлений, вырастающих над экономическим базисом [5, с. 492].

Ю.К. Толстой выделяет три стадии правового воздействия: правоспособность, юридический факт и правоотношение. Изначально нормы права не регулируют поведение людей, а воздействуют на их волю и сознание самым общим образом [20]. Непосредственно правовое регулирование начинается с момента наступления юридического факта. Для правового регулирования характерна большая конкретность в определении возможного и должного поведения, необходима правовая норма.

Таким образом, полагаем, выделение начала процесса правового воздействия будет носить весьма условный характер. Для того чтобы понять механизм правового воздействия как систему, предлагаю, не выделяя стадии и этапы воздействия, а исходя из его структуры, рассмотреть каждый из его элементов.

В структуру правового воздействия входят: правосознание, правовая культура, правовые принципы и механизм правового регулирования [19].

Правосознание и правовая культура общества, социальных групп, личности выступают условием совершенствования государственно-правовых институтов, важным фактором политико-правовой и социальной модернизации, условием ее эффективности в конкретном обществе и результатом развития. Именно общество производит отбор культурных норм по принципу их значимости для социального целого. Если обычай является значимым для общества, то он становится общеобязательным, то есть правом [3].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что правовое воздействие осуществляется посредством процесса правообразования. Н.Луман отмечал: «Право возникает не из-под пера законодателя, оно обусловлено множеством нормативных ожиданий, иначе говоря, правовых требований, и едва ли могли бы издаваться законы без этого базиса. Прежде всего, учитывается нормативность таких требований» [8]. Изначально в обществе формируются объективные факторы, определяющие содержание норм права. В нем обособляются стадия формирования, развития и исчезновения различных природных, экономических, социальных условий жизни, а также стадия преломления и конкретизация данных условий в индивидуальных и коллективных интересах. Последние определяются в качестве связующего звена со вторым, субъективным этапом правообразования. Данный этап учитывает формирование и развитие общественного правосознания и воли, а также их последующее выражение в виде государственной воли, права [18].

Россия имеет давнюю историю существования и развития институтов альтернативного разрешения споров (далее – АРС). Ряд ученых утверждает, что, например, третейский суд как форма разрешения споров появился еще в первом тысячелетии, развиваясь в дальнейшем на протяжении всего средневекового периода [1, 4, 24]. Развитие институтов АРС продолжалось и в дальнейшем. АРС в том или ином виде существовало на протяжении существования нашего государства. Следует отметить, что все формы АРС имели сходство с традиционным судебским разбирательством, так как итогом служило решение, выносимое судьей-арбитром. Ц.А. Шамликашвили отмечает, что, с исторической точки зрения, вряд ли могло быть иначе: и уровень развития общества, и сменявшие друг друга политические режимы могли создать условия для возникновения и развития других форм разрешения споров, основанных на большей автономии и свободе волеизъявления сторон [23].

А.А. Кудряшов указывает, что существует множество методик урегулирования конфликтов, но все они базируются на двух основаниях: либо на насилии, либо на переговорах. Медиация – это разновидность переговоров [9].

В случае судебного решения конфликта одна сторона всегда будет проигравшей, при использовании процедуры медиации решение будет выработываться на основании согласования интересов. Другими словами, медиация как междисциплинарное явление учитывает не только правовую составляющую конфликта, а рассматривает его с разных сторон, учитывая все аспекты, помогая достичь максимально благоприятного разрешения спора. Указанный институт оказывает не только нормативное, но и психологическое, идеологическое влияние права на чувства, сознание и действия людей.

Понятия «правовое воздействие» и «правовое регулирование» близки, но неравнозначны. В правовой литературе справедливо обращают внимание на неравнозначность данных категорий и на необходимость их разграничения. Как отмечает А.В. Малько, предмет правового регулирования несколько уже предмета правового воздействия, поскольку в последний входят и те экономические, политические, социальные отношения, которые правом не регулируются, но на которые оно так или иначе распространяет свое влияние [10].

В.В. Лазарев предложил считать критерием для разграничения правового регулирования и правового воздействия юридические средства, составляющие основу такого воздействия. Отсюда правовое регулирование опирается на нормативное воздействие, а правовое воздействие объединяет все нормативные и индивидуальные юридические средства [7].

Правовое регулирование – результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения всей системы специальных правовых средств [5]. Выделяют следующие элементы правового регулирования: норма права, правоотношение, акты реализации прав и обязанностей, факультативный элемент, – акты применения права.

Принятие нормативных правовых актов, регулирующих процедуру медиации, окончательно закрепило уже давно сложившиеся отношения. Правовые нормы упорядочили общественные отношения, связанные с проведением процедуры медиации. Закон о медиации не носит властного и жесткого характера, напротив, он предоставляет абсолютный диапазон разрешения конфликтов. Как показывает практика применения процедуры медиации, ее использование уменьшает экономические и временные издержки для сторон конфликта, тем самым стимулируя их к ее

использованию. Таким образом, можно говорить об идеологическом и информативном влиянии, оказываемом на участников данных правоотношений.

В статье 1 Закона о медиации в качестве одной из целей его принятия приводится гармонизация социальных отношений. Применение указанного закона действительно способно снизить конфликтность внутри общества, следовательно, и нагрузку на судей, тем самым повысить качество отправленного ими правосудия. Однако, считаю, что институт медиации некорректно рассматривать только в качестве инструмента для снижения судебной нагрузки. Процедура медиации как правовой институт – явление многогранное, оказывающее на общественные отношения правовое воздействие, которое достаточно сложно спрогнозировать.

Подводя итоги, можно сделать ряд выводов относительно воздействия процедуры медиации на общественные отношения в современных условиях. Сфера социальных явлений не является областью механической закономерности. В данный момент мы можем наблюдать начальный этап преобразования общественных отношений посредством внедрения процедуры медиации.

В настоящее время процедура медиации не очень популярна. К причинам этого Н. Колоколов и Е. Панкратова относят, помимо организационных и экономических причин, ряд субъективных (психологических) проблем, таких как: неосведомленность сторон о медиации, отсутствие навыков и традиций по ведению переговоров, низкий уровень правовой культуры и другие [13]. Некоторые авторы отмечают, что более чем в трех четвертях случаев именно неправовые факторы выступают в роли факторов, препятствующих реализации норм права [2, с. 297].

Стоит согласиться с мнением В.Н. Кудрявцева, что не следует переоценивать возможности воздействия права на поведение людей, на их общественные отношения, оно придает им лишь границы, рамки, необходимые для господствующего класса [6].

Последующее исследование различных аспектов воздействия процедуры медиации на общественные отношения позволит обнаружить скрытые стороны связей и закономерностей такого воздействия, что может способствовать созданию наиболее функционирующей системы разрешения конфликтов.

Библиографический список

1. *Вицын А.И.* Третейский суд по русскому праву: историко-догматическое исследование. М., 1856.
2. *Груздев В.В.* Вопросы соотношения правового воздействия и правового регулирования: статья // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 297-310.
3. *Жинкин С.А.* Вопросы технологии правового воздействия на правовую культуру личности // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 119-122.
4. *Зайцева А.И., Захарьяцева И.Ю., Балашова И.Н., Балашов А.Н.* Альтернативное разрешение споров: учебно-методический комплекс. М.: Экзамен, 2007. С. 576.
5. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. 8-е изд., испр. и доп. СПб: Издательство Юридического института, 2012.
6. *Кудрявцев В.Н.* Право и поведение. М.: Юридическая литература, 1978. 191 с.
7. *Лазарев В.В.* Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 40.

8. *Луман Н.* Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-логос. М., 1991. Вып. 1. С. 194-195.
9. *Максуров А.А.* Медиация в праве: юридическая технология медиативных процедур / А.А. Максуров, М.В. Таланова // Электрон. Текстовые данные. М.: ЭкООнис, 2014.
10. *Малько А.В.* Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. С. 348.
11. *Носырева Е.И.* Правовая природа процедуры «посредничество – арбитраж» и ее значение для разрешения международных коммерческих споров // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. № 5 / под ред. В.В. Яркова. СПб., 2007. С. 297-304.
12. *Носырева Е.И.* Примирительные процедуры и международный коммерческий арбитраж // Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: сборник статей / под ред. А.С. Комарова. М., 2007. С. 300-307.
13. *Панкратова Е., Колоколов Н.* Медиация: модная, но не популярная // ЭЖ-ЮРИСТ. 2016. № 9, март.
14. *Раянов Ф.М.* Проблемы теории государства и права (Юриспруденция): учеб.курс. М.: Право и государство. 2003. – 246 с.
15. Рекомендации «круглого стола». Ресурсный центр медиации (22.03.2014). URL: http://media-tors.ru/rus/about_mediation/news/text13/text1?print.
16. *Решетникова И.В.* Перспективы развития посредничества в российском праве // Российский юридический журнал. 2005. № 5. С. 97-102.
17. *Старыгина П.С.* Альтернативные способы разрешения правовых конфликтов: проблемы практического применения // Мариинский юридический вестник. 2016. № 2(17).
18. *Степанян В.В.* Правообразование в социалистическом обществе: теоретические и методологические проблемы: автореф. дис. ...докт. юрид. наук. Ереван, 1986.
19. Теория государства и права / под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. М., 2000. С.340.
20. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997.
21. *Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф.* Проблемы теории государства и права: учеб. пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2003. С.45.
22. *Феоктистов А.В.* Медиация как способ урегулирования конфликтов // Концепт. 2014. Спецвыпуск № 27.
23. *Шамликашвили Ц.А.* Медиация в России: современное состояние: справка // URL: <http://www.mediacia.com/>
24. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права: введение. Торговые деятели. Т. 1. 4-е изд. С.-Пб.: Бр. Башмаковы, 1908. – 520 с.
25. *Яковлев В.Ф.* Интернет-конференция советника Президента Российской Федерации В.Ф. Яковлева «О примирительной процедуре с участием посредника (медиация)» // СПС «Гарант».

Т.М.Камолов*

КОРРУПЦИЯ – ДЕТЕРМИНАНТ ТЕРРОРИЗМА, СЕПАРАТИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ УГРОЗУ СУВЕРЕНИТЕТУ СТРАН – УЧАСТНИЦ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. В статье рассматривается коррупция как одна из основных причин активизации терроризма, сепаратизма и экстремизма в зоне деятельности государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Проявление терроризма, сепаратизма и экстремизма выражается в прямой угрозе государственному суверенитету стран – членов ШОС.

Ключевые слова: суверенитет, государство, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), коррупция, терроризм, экстремизм, сепаратизм.

CORRUPTION OF THE DETERMINANTS OF TERRORISM, SEPARATISM AND EXTREMISM THAT POSE A THREAT TO THE SOVEREIGNTY OF THE COUNTRIES – PARTICIPANTS OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

Summary. The article considers corruption as one of the main causes of activation of terrorism, separatism and extremism in the area of activities of the member States of the Shanghai cooperation organization (SCO). Terrorism, separatism and extremism expressed in a direct threat to the state sovereignty of the countries – members of SCO.

Keywords: sovereignty, the state, the Shanghai cooperation organization (SCO), corruption, terrorism, extremism, separatism.

Многовековая история генезиса государства сопровождалась проблемами и угрозами для государственного суверенитета, которые зависели от политических, экономических, а порой социально-культурных и иных факторов. В течение столетий государственный суверенитет, выражающийся в верховенстве государства на своей территории и его независимости во внешних сношениях, единый, неотчуждаемый и неделимый, составляет основополагающее начало государственного развития народов [5, с. 41].

* *Камолов Тимур Мэлсович*, аспирант кафедры теории государства и права им. Г.В.Мальцева Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Научный руководитель: *Прокопович Галина Алексеевна*, профессор кафедры теории государства и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Kamolov Timur Melsovich, Postgraduate of the Department of Theory of State and Law of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Research guide: *Prokopovich Galina Alekseevna*, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of Russian Federation, Doctor of Law.

Важнейшим признаком государства является суверенитет, который означает независимость и самостоятельность в определении и проведении политики как внутри, так и вне государства [1, с. 44].

Возникновение угроз для стран – членов Шанхайской организации сотрудничества и их государственного суверенитета получило более интенсивную динамику развития, что побудило эти государства активизировать все имеющиеся ресурсы, а также явилась основой для создания самой организации.

Первоначальные и основные задачи ШОС были установлены и закреплены в виде борьбы с активизацией «трех зол» на пространстве ШОС – терроризма, сепаратизма и экстремизма. То есть она позиционировала себя как партнерский механизм между государствами-членами в обеспечении безопасности и стабильности в Евразийском регионе. Благополучие и совместное процветание послужили стимулом как для Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана, которые относительно недавно получили независимость и достаточно ревностно относились к вопросам своего суверенитета, так и для сверхдержав – России и Китая, для которых безопасность Евразийского региона и государственный суверенитет приоритетны.

Вполне независимое государство фактически не может не учитывать в своих отношениях интересы другого государства, не может не поступаться в той или иной мере своими интересами в целях добрососедских отношений или для избежания худших последствий [3, с. 67].

Причины активизации «трех зол» в виде терроризма, сепаратизма и экстремизма в зоне деятельности ШОС достаточно разнородны и специфичны, начиная от религиозного и национального фактора, а также бедности и необразованности и заканчивая вмешательством и финансированием таких явлений как терроризм, сепаратизм и экстремизм третьими странами.

При этом, по нашему мнению, одной из существенных причин усиления террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности является коррупция, которая имеет достаточно высокий уровень в государствах, участвующих в ШОС.

Коррупция представляет собой категорию, под которой понимается: корыстный произвол лиц, наделенных властными полномочиями, с обращением чужих и/или общественных благ в свою пользу; элемент неофициального (теневого, нелегального) механизма перераспределения материальных и нематериальных благ в государственно-организованном обществе с использованием служебных возможностей; коррупционное явление – порицаемое социальными нормами деяние лиц, наделенных властными полномочиями [4, с. 81].

При этом вопросы борьбы с коррупцией в современности стали не только внутригосударственной проблемой, заключающейся в противоречии социальным и государственным нормам в виде присвоения чужих благ в свою пользу при наличии служебного положения в данном государстве, но и получили межгосударственный характер.

Развитие таких тенденций, в частности для государств – членов ШОС, обосновано тем, что коррупционные детерминанты стали прямыми факторами, как стагнации интеграционных процессов на пространстве ШОС, так и вспомогательными факторами для терроризма, экстремизма и сепаратизма, что представляет угрозу для государственного суверенитета.

Большое значение в современных условиях приобретает комплексная разработка системы мер и государственно-правовых механизмов для защиты конститу-

ционных прав и законных интересов граждан, субъектов федерации, предотвращения злоупотребления государственными органами своими правами [2, с. 87]. При этом разработка таких мер и борьба с коррупцией на межгосударственном уровне с использованием потенциала ШОС будет во многом эффективнее.

В стратегии развития ШОС до 2025 г. в разделе, касающемся сферы сотрудничества в области безопасности, зафиксировано: «Приоритетами ШОС в области обеспечения региональной безопасности и стабильности будут оставаться противодействие терроризму, сепаратизму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, ядерных и радиоактивных материалов, а также других компонентов оружия массового уничтожения, трансграничной организованной преступности, обеспечение международной информационной безопасности, укрепление безопасности границ, совместная борьба с незаконной миграцией и торговлей людьми, отмыванием денег, экономическими преступлениями, коррупцией» [6, с. 81].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что реализация задач ШОС в поддержании мира, обеспечения безопасности и процветания Евразийского региона во многом зависит от успешной борьбы с такими незаконными явлениями, указанными в стратегии развития ШОС до 2025 г. При этом эффективность деятельности по ликвидации незаконных явлений во многом обусловлена уровнем коррупции в странах, участвующих в ШОС.

Понимание сущности и значения государственного суверенитета в условиях членства страны в межгосударственном объединении сохраняет свою актуальность, а различные угрозы для суверенитета и их устранение остаются предметом академических и политических дискуссий.

В условиях глобализации коррупция из внутригосударственной проблемы превращается в угрозу демократическим ценностям и правам человека, оказывая влияние на политические институты национального и интернационального уровня.

На текущий момент эффективность борьбы с коррупцией в странах, участвующих в ШОС, представляется показателем уровня развития всего региона, его инвестиционной привлекательности, оценкой внутреннего правопорядка и легитимности власти, а также авторитета деятельности ШОС.

Отсутствие ответственности государственных органов перед народом, дискриминация по политическому и иным признакам, несоблюдение прав и свобод человека, отсутствие свободы прессы, необразованность и низкий уровень жизни – все это связано с проблемой коррупции в государствах -членах ШОС, при этом последствия таких явлений используются различными силами для дестабилизации всего Евразийского региона в целом.

Повышение уровня распространения коррупции ухудшает антитеррористическую деятельность государственных и межгосударственных структур, что выражается в ослаблении эффективности государственного аппарата и верховенстве закона на всей территории страны, что важно для концепции суверенитета. Неспособность государства эффективно противостоять коррупции и обеспечить гражданам основные общественные блага влияет на их повседневную жизнь, создавая почву для преступной деятельности в самых тяжких ее проявлениях в виде терроризма и экстремизма, и в конечном итоге трансформируется в глобальную угрозу.

Государства, сотрудничающие в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом по линии ШОС, оставляя без должного внимания вопросы противодействия коррупции, рискуют своим государственным суверенитетом.

Евразийские интеграционные процессы в рамках ШОС направлены на совместную выработку и реализацию программ и проектов для развития и процветания всего региона с участием всех государств – членов ШОС.

В действительности сложилась такая ситуация, что коррупционная деятельность органов государственной власти способствует террористическим и экстремистским группам в осуществлении терактов и иных незаконных деяний.

К сожалению, коррупция стала не только причиной проявления «трех зол», но также основным средством для преступников в приобретении, хранении и транспортировке оружия и взрывчатых веществ, незаконном пересечении границ, передаче оперативной информации, подкупе сотрудников правоохранительных органов и т.д.

Социальная незащищенность, безработица, низкий уровень жизни как результат коррумпированности государства позволяют с легкостью вербовать новых сторонников. Сочетание коррупции, терроризма, экстремизма и сепаратизма ведет к разрушению основ государства и общества, ослаблению суверенитета и потере государством доверия народа и авторитета в мире.

Если рассмотреть по отдельности каждое государство, участвующее в ШОС, то все они имеют различные антикоррупционные программы и нормативную базу. При всем этом коррупцию в полной мере на пространстве ШОС устранить пока невозможно, но улучшить положение – дело осуществимое.

Таким образом, актуальным в рамках ШОС представляется обоснованная направленность процессов евразийской интеграции и совместной деятельности в сфере борьбы с коррупцией, так как для Евразии в целом проблематика коррупции трансформировалась из внутринациональной проблемы в комплексную угрозу суверенитету государств, их национальной и экономической безопасности.

Считаем целесообразным для решения стратегических задач ШОС по борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом принимать во внимание коррупционный аспект. Существует необходимость выработки единой общеевразийской антикоррупционной стратегии в рамках ШОС, которая включала бы правовые, политические, экономические, организационно-технические аспекты. Создание общей стратегии послужит предпосылкой создания активных механизмов противодействия коррупции на пространстве ШОС, а также даст импульс в формировании и развитии новых проектов ШОС для совместного процветания и развития. Важное место в стратегии должна занимать проблематика противодействия коррупции в странах -членах ШОС, соприкасающейся с террористической, экстремистской и сепаратистской деятельностью. Следует учитывать возможности формирования соответствующей правовой культуры, антикоррупционного поведения в этих государствах [7].

Суверенитет есть состояние полновластия государства на своей территории и его независимости от других государств [3, с. 64]. Но в случае коррумпированности государственного механизма независимость государства ставится под сомнение. Коррупция в таком государстве будет не только стимулировать проявления терроризма, сепаратизма и экстремизма, но также будет определять его внешний и внутренний политико-правовой курс. Все это отражает специфическую хрупкость государственного суверенитета в условиях евразийской интеграции.

Библиографический список

1. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. 8-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 608 с.

2. Комаров С.А. Основы государства и права: учебное пособие. М.: Манускрипт, Русь-90, 1996. – 309 с.

3. Левин И.Д. Суверенитет. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. – 375 с.

4. Прокопович Г.А., Артемьев А.Б. Коррупция и меры ее ограничения: теоретико-правовое исследование: монография. М.: Издательство Московского университета им. С.Ю. Витте, 2016. – 392 с.

5. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Глобализация. Международные гуманитарные стандарты. Суверенитет России. М.: РЦОИТ, 2015. – 80 с.

6. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года // Официальный сайт председательства Российской Федерации в Шанхайской организации сотрудничества в 2014 – 2015 годах: [сайт]. URL: <http://sco-russia.ru/documents/>

7. Komarov Sergey, Bychkova Ekaterina. Understanding Targeted Research Values of Legal Culture // London Review of Education and Science, 2016, № 1(19), (January-June). Volume III. "Imperial College Press", 2016. – P. 626-631.

Н.В.Мамитова*
И.И.Назаров**

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные проблемы противодействия коррупции как на национальном, так и на международном и транснациональном уровнях. Авторы анализируют обновление правовой системы Российской Федерации в данной сфере, подчеркивая межотраслевой характер института противодействия коррупции. В статье подвергаются анализу основные новеллы российского законодательства в сфере противодействия коррупции, которые направлены прежде всего на повышение эффективности имеющихся правовых инструментов противодействия коррупции.*

***Ключевые слова:** коррупция, антикоррупционная политика, государство, право, государственная власть, закон, преступление, правонарушение, антикоррупционная экспертиза, противодействие.*

THE LEGAL BASIS OF CORRUPTION COUNTERACTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

***Summary.** In the article actual problems of counteraction of corruption, both at national and at international and transnational levels. The authors analyzes the updating of the legal system of the Russian Federation in this field, emphasizing the interdisciplinary nature of the Institute of counteraction of corruption. The article analyses the main changes in Russian legislation in the sphere of counteraction of corruption, which are aimed primarily at improving the efficiency of existing legal instruments against corruption.*

***Keywords:** corruption, anti-corruption policy, the state, law, government, law, crime, delinquency, anti-corruption expertise, opposition.*

В настоящее время проблема противодействия коррупции в России приобрела глобальный и системный характер. Последствия коррупции крайне опасны для государства, так как она разрушает все демократические принципы развития общества, порождает социальную напряженность и развивает политическую нестабильность в стране. Она возникает незаметно, но сразу же дает о себе знать. Поэтому необходимы такие методы, которые могли бы эффективно бороться с причинами возникновения коррупции.

Вот уже много лет в системе функционирования Российского государства развивается такое общественно опасное и противоправное явление, как коррупция. Особенно остро и с наибольшими рисками это явление проявляется в системе госу-

* **Мамитова Наталия Викторовна**, профессор кафедры государственного управления ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор.

** **Назаров Илья Иванович**, студент II курса ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ.

дарственного и муниципального управления. Данный факт подтверждают и недавние события, связанные с мошенничеством, хищением бюджетных средств, получением взяток и другими элементами коррупции высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (*дело экс-губернатора Сахалинской области А.В. Хорошавина, дело главы Республики Коми В.М. Гайзера, дело экс-губернатора Кировской области Н.Ю. Белых*). Коррупция как противозаконное использование должностным лицом своего особого публичного статуса, характеризуемое получением выгоды как для себя, так и для любых других лиц вопреки официально установленным интересам общества и государства, представляет весьма серьезный барьер в развитии основных демократических принципов и институтов государства. Поэтому страна, в которой все органы государственной и муниципальной власти пронизаны коррупцией, обречена на крах и полнейшее уничтожение. Чтобы предотвратить данную катастрофу необходимо вести непрерывную беспощадную, но законную борьбу с коррупцией.

Масштабы коррупции способны не только снизить эффективность деятельности государственных институтов, но и заметно подорвать как авторитет власти в целом, так и престиж страны на международной арене. В настоящее время проблема противодействия коррупции в России приобрела глобальный и системный характер. Любые формы организованной коррупции позволяют рассматривать это явление как институциональное, а не личностное. Его повышенная социальная опасность подтверждает глобальный характер и транснациональность данного феномена. Одной из основных и наиболее характерных черт коррупции является ее системность. Данный признак также присущ коррумпированности как процессу, усложняющемуся и самовоспроизводящемуся в социальной среде.

Под правовыми проблемами противодействия коррупции традиционно понимают проблемы, связанные с отсутствием правового регулирования, несмотря на наличие потребностей в нем, либо с ненадлежащим регулированием, другими словами, не соответствующим целям и задачам государственной политики в данной сфере [1].

Антикоррупционная политика – это научно обоснованная, последовательная и системная деятельность институтов государства и гражданского общества, связанная с профилактикой и сокращением негативного влияния коррупции, а также с устранением причин и условий, способствующих ее возникновению.

Следует выделить следующие уровни антикоррупционной политики, учитывающие структурную организацию общества как систему организаций:

в государственном секторе, включая аппарат государственного управления, – антикоррупционную политику в органах власти и в иных государственных организациях, действующих в отраслях и сферах государственного управления. В сфере местного самоуправления антикоррупционная политика должна охватывать должностных лиц органов и организаций системы местного самоуправления. Среди ученых, занимающихся проблемами антикоррупционной политики, существует точка зрения о том, что антикоррупционная политика в публичной сфере имеет четыре разновидности, а с учетом особенностей статуса лиц, замещающих государственные и муниципальные политические, в частности выборные, должности, она расщепляется на шесть уровней аналогично современной структуре государственного управления. Правомерна постановка вопроса о выработке антикоррупционной политики, дифференцирующей сферы коррупции и принимающей их во внимание в качестве обязательного условия ее последующей эффективности [2].

Известно, что противодействие коррупции традиционно осуществляется по двум основным направлениям, а именно: *борьба с проявлениями коррупции и предупреждение коррупции*. И то, и другое направление должны быть тесно связаны между собой, причем второе направление должно рассматриваться как приоритетный вектор развития государственной антикоррупционной политики. Мировой опыт доказывает, что социально-экономический эффект от устранения условий, способствующих коррупции, значительно выше, чем борьба с ее последствиями [3]. Также анализ зарубежного опыта свидетельствует, что ощутимых успехов в борьбе с коррупцией добились те страны, в которых применяется комплексный подход к противодействию коррупции, включающий в себя применение системы политических, пропагандистских, правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на устранение причин коррупции, а также взаимодействие государства, гражданского общества, бизнес-структур в процессе их применения.

В связи с ратификацией Российской Федерацией в 2006 г. международных антикоррупционных конвенций в российской системе права сформировался межотраслевой правовой институт – противодействие коррупции [4]. Российское законодательство о противодействии коррупции формируется преимущественно в рамках отраслей административного и уголовного права, однако в него входят нормы конституционного, финансового, трудового и гражданского права.

Антикоррупционное законодательство Российской Федерации включает в себя множество нормативных правовых актов. Но среди этого множества стоит особо выделить важнейшие источники по противодействию коррупции – Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон о противодействии коррупции) и Национальный план противодействия коррупции, впервые принятый в 2008 г. Именно Закон о противодействии коррупции четко устанавливает меры по профилактике коррупции и утверждает основные направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия этому опасному явлению. В данном Федеральном законе описываются методы борьбы с коррупцией. И одним из таких методов является представление государственными и муниципальными служащими (а также членами Совета директоров Центрального банка России и работниками иных государственных организаций) сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Так называемую декларацию о доходах представляют не только лица, замещающие какие-либо государственные или муниципальные должности, но и те, которые только претендуют на замещение. Что немаловажно, все эти лица должны указывать в декларации еще и сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруги (или супруга) и своих несовершеннолетних детей.

Граждане, уже проходящие государственную и муниципальную службу, обязаны представлять сведения и о своих расходах, и о расходах супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

Все эти данные (за исключением данных тех лиц, которые еще претендуют на замещение должностей) публикуются на официальных сайтах государственных и муниципальных организаций.

Также должностное лицо обязано уведомлять работодателя, органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений.

На лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности накладываются специальные ограничения и обязанности. Все эти служащие не могут занимать другие должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления, заниматься предпринимательской и иной оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой (важное примечание – эта дозволенная законом деятельность не должна финансироваться исключительно из-за рубежа), использовать в неслужебных целях информацию, предназначенную для служебной деятельности, получать в связи с выполнением служебных обязанностей вознаграждения и подарки от физических и юридических лиц и многое другое.

Граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность.

Законодательные новеллы в любой отрасли права направлены прежде всего на повышение эффективности имеющихся правовых инструментов противодействия коррупции. К одной из них относится распространение более жестких ограничений и запретов, установленных для государственных служащих, на лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, а также муниципальные должности. Важной новеллой законодательства стала возможность увольнения с утратой доверия в предусмотренных законом случаях, распространяющихся как на лиц, замещающих государственные или муниципальные должности, так и на государственных гражданских служащих.

Закон о противодействии коррупции в ст.9 закрепил обязанность всех государственных и муниципальных служащих уведомлять представителя нанимателя (работодателя) обо всех случаях непосредственного обращения к ним каких-либо лиц с целью склонения к совершению коррупционных правонарушений. Невыполнение служащим этой обязанности является правонарушением, влекущим его увольнение с государственной и муниципальной службы либо привлечение его к иным видам ответственности. Эта мера должна помочь правоохранительным органам в пресечении и раскрытии коррупционных правонарушений.

Введение подобной обязанности восполняет пробел, возникший с изменением российского уголовного законодательства в части уголовной ответственности за недонесение о совершенных преступлениях. В соответствии со ст. 316 «Укрывательство преступлений» Уголовного кодекса Российской Федерации лицо привлекается за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений, то есть тех, наказание за совершение которых превышает 10 лет лишения свободы. Это означает, что сравнительно небольшая часть коррупционных преступлений подпадает под эту категорию. В связи с этим упомянутая норма требует своего развития и конкретизации в части, например, предоставления мер защиты служащим, сообщаящим о фактах их склонения.

Следует подчеркнуть, что любое противодействие коррупции может быть эффективным при условии организации комплексного искоренения этого явления с привлечением всех категорий субъектов права. Причем не следует забывать тот факт, что социально-нравственная ответственность всех субъектов права лежит в основе мер, направленных на укрепление антикоррупционного правосознания. Значительная роль в организации противодействия коррупции принадлежит органам законодательной и исполнительной власти Российской Федерации [5].

В природе государственной и муниципальной службы существует еще одно достаточно распространенное противоправное явление – конфликт интересов. Закон о противодействии коррупции (п. 1 ст.10) определяет сущность понятия «конфликт интересов» следующим образом: конфликт интересов – это ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). А под личной заинтересованностью государственного или муниципального служащего, которая влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей, понимается возможность получения государственным или муниципальным служащим при исполнении должностных (служебных) обязанностей доходов (неосновательного обогащения) в денежной либо натуральной форме, доходов в виде материальной выгоды непосредственно для гражданского служащего, членов его семьи или иных лиц (указаны в п. 5 ч. 1 ст. 16), с которыми связана личная заинтересованность служащего (п. 3 ст. 19 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации (далее – Закон о государственной гражданской службе).

Согласно письму Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 октября 2012 г. №18-2/10/1-2088 «Об обзоре типовых случаев конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядке их урегулирования» составить перечень исчерпывающих ситуаций, где государственный служащий может оказаться в процессе исполнения им должностных обязанностей, не представляется возможным. Однако в этом письме выделяются ситуации, в которых возникновение конфликта интересов является наиболее вероятным:

- выполнение отдельных функций государственного управления в отношении родственников и/или иных лиц, с которыми связана личная заинтересованность государственного служащего;
- выполнение иной оплачиваемой работы;
- владение ценными бумагами, банковскими вкладами;
- получение подарков и услуг;
- имущественные обязательства и судебные разбирательства;
- взаимодействие с бывшим работодателем и трудоустройство после увольнения с государственной службы;
- явное нарушение установленных запретов (например, использование служебной информации).

Данные ситуации возникновения конфликта интересов на гражданской службе также характерны и для муниципальной службы. Для объективного понимания такого явления, как «конфликт интересов», и определения наиболее эффективных методов борьбы с ним необходимо добавить вышеперечисленные ситуации, в которых возникновение конфликта интересов является наиболее вероятным, в Федеральные законы «О противодействии коррупции», «О государственной гражданской службе Российской Федерации», «О муниципальной службе в Российской Федерации».

Закон о государственной гражданской службе определяет, что возникновение у гражданского служащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, предотвращается в целях недопущения при-

чинения вреда законным интересам граждан, организаций, общества, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации (п. 2 ст. 19). Отсюда справедливо возникает вопрос: «А как борются с конфликтом интересов?». Порядок предотвращения и урегулирования конфликта интересов на государственной и муниципальной службе содержится в Законе о противодействии коррупции.

Во-первых, гражданский или муниципальный служащий обязан принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов (п. 1 ст. 11 Закона о противодействии коррупции).

Во-вторых, государственный или муниципальный служащий обязан в письменной форме уведомить своего непосредственного начальника о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения, как только ему станет об этом известно (п. 2 ст. 11 Закона о противодействии коррупции).

В-третьих, предотвращение или урегулирование конфликта интересов может состоять в изменении должностного или служебного положения гражданского служащего, являющегося стороной конфликта интересов, вплоть до его отстранения от исполнения должностных (служебных) обязанностей в установленном порядке и (или) в его отказе от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов (п. 4 ст. 11 Закона о противодействии коррупции).

В-четвертых, предотвращение и урегулирование конфликта интересов, стороной которого является государственный или муниципальный служащий, осуществляются путем отвода или самоотвода государственного или муниципального служащего в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации (п. 5 ст. 11 Закона о противодействии коррупции). Если государственный или муниципальный служащий, являющийся стороной конфликта интересов, не принимает мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, то он совершает правонарушение, влекущее увольнение государственного или муниципального служащего с государственной или муниципальной службы в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Также для соблюдения требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулирования конфликтов интересов в государственном органе, федеральном государственном органе по управлению государственной службой и государственном органе субъекта Российской Федерации по управлению государственной службой образуются комиссии по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов (п. 5 ст. 19 Закона о государственной гражданской службе).

В свою очередь, для обеспечения соблюдения муниципальными служащими общих принципов служебного поведения и урегулирования конфликта интересов в органе местного самоуправления, аппарате избирательной комиссии муниципального образования в порядке, определяемом нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации и муниципальным правовым актом, могут образовываться комиссии по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликтов интересов (п. 4 ст. 14 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»).

Мы видим, что законодательством четко закреплены меры по урегулированию конфликта интересов. Они вносят свой вклад в предотвращение возникновения конфликта интересов. Возможно, еще одной мерой, способствующей борьбе с явлением конфликта интересов, послужит создание единой структурированной расши-

ренной базы данных, в которой будет храниться вся информация о государственном или муниципальном служащем (информация будет носить сугубо деловой характер: дата рождения, образование, трудовая деятельность, занимаемая должность, личные доходы, место работы и доходы близких родственников и т.п.). В России существует практика представления государственным или муниципальным служащим сведений о личных доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера членов семьи служащего, но зачастую ознакомиться с ними достаточно трудно, так как их сложно найти на официальных сайтах органов власти. Создание специального сайта с простой и доступной структурой, где будет опубликована единая база данных, содержащая информацию о государственных и муниципальных служащих, послужит предотвращению не только возникновения конфликта интересов, но и снижению общего уровня коррупции в России. При этом следует разделить хранящуюся информацию по базе данных на два блока – общественный (открытый) и локальный (закрытый).

Общественный блок будет доступен для каждого, кто желал бы ознакомиться с личностью государственного или муниципального служащего. Локальный же блок будет доступен для иных вышестоящих органов государственного и муниципального управления (здесь будет храниться более подробная информация о государственном или муниципальном служащем).

Антикоррупционная политика Российского государства имеет разные направления воздействия и может проявляться в разнообразных сферах: правотворческой, административно-правовой, криминологической и других [6]. Одним из актуальных направлений антикоррупционной политики является правовое противодействие коррупции в экономической деятельности. Прежде всего, это вопросы, связанные с совершенствованием законодательства о государственных закупках, а также противодействие коррупции в сфере размещения госзаказа. Причем это касается не только федерального законодательства, но и законодательства субъектов Российской Федерации и муниципального законодательства. К сожалению, антикоррупционный потенциал законодательства в этой сфере весьма невелик. В этой связи вопросы коррупционной составляющей в региональном хозяйстве и аспекты разработки инструментария снижения коррупционных рисков в регионах заслуживают особого внимания.

Таким образом, международный и национальный опыт свидетельствует о том, что коррупции невозможно противостоять путем осуществления разрозненных, фрагментарных мероприятий на различных направлениях. В этой связи в качестве основы государственной антикоррупционной политики противодействия коррупции необходимо рассматривать системный подход к противодействию коррупции, основанный на реализации целостной системы последовательных мер на ключевых направлениях.

Библиографический список

1. Тихомиров Ю.А., Шахрай С.М. Риск и право: научное издание. М.: Издательство Московского университета, 2012.
2. Малько А.В. Проект концепции антикоррупционной политики в Российской Федерации. Саратов, 2010.
3. Brian J. Stults. The effect of commuting on City-Level Crime Rates. /Journal of Quantitative Criminology. 2015. № 2. С.331-335.

4. «О ратификации Конвенции ООН против коррупции»: Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 4720; «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию»: Федеральный закон от 25.07.2006 № 125-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3424.

5. Мамитова Н.В., Чепус А.В. Совершенствование российского законодательства в сфере ответственности Правительства Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. №7. С.12; Комаров С.А., Артемьев А.Б. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов: теория и практика // Вестник НГУ. Серия «Право». 2013. № 2. С. 21-33.

6. Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. 2014. – 255 с.

Д.В.Петрович*

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ПРЕСТУПНОСТИ И КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена состоянию преступности и коррупции в России. Автором затронуты некоторые теоретические аспекты и особенности законодательного регламентирования «коррупции». На основе анализа официальных статистических данных Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел России за 2015 – 2016 гг. изучены количественные характеристики коррупции и преступности в Российском государстве. Проанализирована динамика преступности в Российской Федерации и ее регионах. Выявлена и обоснована необходимость анализа причин и тенденций российской преступности в целях принятия мер к их устранению.

Ключевые слова: коррупция, преступность, взяточничество, преступление, лоббизм.

TO THE QUESTION ABOUT THE STATE OF CRIME AND CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Summary. The article is devoted to crime and corruption in Russia. The author touches on some theoretical aspects and peculiarities of legislative regulation of the "corruption". Based on the analysis of official statistical data of the Prosecutor General and the interior Ministry of Russia for 2015-2016.g. studied quantitative characteristics of corruption and crime in the Russian state. Analyzed the dynamics of crime in Russia and its regions. Identified and the necessity of analysis of the causes and trends of Russian crime in order to take measures for their elimination.

Keywords: corruption, criminality, graft, crime.

Проблемы противодействия преступности и борьбы с коррупцией вызывают пристальное внимание мирового сообщества, правоохранительных органов и общественных объединений во многих странах мира, и Российская Федерация не является исключением.

Организация Объединенных Наций неоднократно давала определение коррупции: так, в документах 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1979 г.) данное социальное явление рассматривается с позиции «выполнения должностным лицом каких-либо действий или бездействия в сфере должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без из нарушения» [1]. В материалах Конвенции против коррупции на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи

* **Петрович Денис Вячеславович**, доцент кафедры уголовного права и криминологии ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет», кандидат юридических наук. E-mail: den-petrovich82@mail.ru

ООН коррупция отражена как злоупотребление властью с целью получения личной выгоды» [2]. Приведенные определения коррупции отражают суть и содержание этого негативного социального явления в обществе, раскрытого впоследствии и во внутреннем законодательстве Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определены критерии квалификации коррупционности.

В свою очередь, в юридической науке на основе положений национального законодательства Российской Федерации и норм международного права ведутся дискуссии относительно многогранности коррупции. Я.И.Гишинский выделяет существование различных форм и проявлений коррупции: «взяточничество, фаворитизм, nepozитизм (кумовство), протекционизм, лоббизм, незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, незаконная приватизация, незаконная поддержка и финансирование политических структур (партий и др.), вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, знаменитый русский «блат» (использование личных контактов для получения доступа к общественным ресурсам — товарам, услугам, источникам дохода, привилегиям) [3] и др.

Между тем, несмотря на многообразие выделенных в теории уголовного права и криминологии форм и проявлений коррупции, отсутствие единого подхода в понимании преступлений, относимых к коррупционным, официальная статистика уголовных дел учитывает лишь преступления, предусмотренные ст. 290 и 291 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в совокупности рассматриваемых как «взяточничество», то есть уголовно-правовое явление, объединяющее в себе два состава преступления – получение взятки и ее дачу.

Согласно официальным данным, размещенным на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за период с января по декабрь 2015 г. на территории России совершены преступления коррупционной направленности, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных преступлений составил 1,4%.

Число зарегистрированных преступлений, предусмотренных статьей 290 УК РФ (получение взятки), в Российской Федерации увеличилось на 8,6%. Особенно выражена тенденция увеличения фактов получения взятки в Орловской области (+223,5%), Республике Калмыкия (+171,4%), Республике Адыгея (+252,5%), Ивановской области (+175 %). Однако данная тенденция не является общероссийской. Так, в отдельных регионах число преступлений данного вида уменьшилось. В Республике Хакасия (-72,7%), Тюменской области (-63,8%), республиках Карелия (-73,6%), Марий Эл (-83%), Липецкой области (-55%).

Как отмечают М.А. Кириллов и В.И. Омигов, «в 21 веке (с 2000 г. по 2014 г.) в Российской Федерации был зарегистрирован рост преступлений с коррумпированным характером в 4,2 раза (с 9 237 до 41 500 преступлений)» [4].

Рост числа преступлений коррупционной направленности в 2015 г. был отмечен на фоне общей тенденции роста преступности в России. Так, за 2015 г. зарегистрировано 238 8476 преступлений, что на 197 898 преступлений больше, чем за аналогичный период в 2014 г. (статистические данные приведены с учетом Крымского федерального округа). Таким образом, с сожалением приходится констатировать общероссийскую тенденцию значительного прироста в 2015 г. преступности по сравнению с 2014 г. – на 9%.

Рост числа зарегистрированных преступлений отмечен практически во всех федеральных округах России: Южном (+10,8%), Уральском (+6,2%), Северо-Кавказ-

ском (+9%), Приволжском (+12,3%), Северо-Западном (+11,9 %), Сибирском (+7,5 %), Центральном (+7,5%), Дальневосточном (+3,3%) федеральных округах.

Увеличение зарегистрированных преступлений характерно для 77 субъектов Российской Федерации, и лишь в 8 субъектах отмечено снижение числа преступлений. При этом значительное повышение уровня преступности зафиксировано в Мурманской области (+44,1%), Ярославской области (+40,3%), Республике Тыва (+28,1%), Ненецком автономном округе (+28,2%), Чукотском автономном округе (+26,2%), Республике Башкортостан (+33,6 %), Республике Карелия (+24%), Псковской области (+23,3%).

Число преступлений незначительно снизилось в Самарской области (-2,7%), Астраханской области (-6,5%), Приморском крае (-2,9%), Чеченской Республике (-2,1%).

В целом по России удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе всех зарегистрированных преступлений составляет 22 %. Количество тяжких преступлений сократилось на 2,5%. Число зарегистрированных в отчетном периоде особо тяжких преступлений по сравнению с аналогичным периодом прошлого года уменьшилось на 1,1 %.

Вместе с тем в ряде регионов России данный показатель увеличился значительно. Возросло количество особо тяжких преступлений в Республике Адыгея (со 134 до 267; +99,3%), Чукотском автономном округе (с 26 до 35; +34,6%), Орловской области (с 419 до 553; +32%), Архангельской области (с 812 до 1034; +27,3%), Республике Хакасия (с 354 до 465; +31,4 %).

Количество лиц, здоровью которых причинен тяжкий вред, уменьшилось на 6,8%. По сравнению с аналогичным периодом 2014 г. число лиц, погибших в результате преступных посягательств, уменьшилось на 5,3%. Наибольший рост погибших наблюдается в Костромской области (на 15; +14,3%), Ульяновской области (на 45; + 15,2 %), Ямало-Ненецком автономном округе (на 43; +33,3%), Ивановской области (на 22; +13,2%), Хабаровском крае (на 67; +16%), Республике Дагестан (на 66; +18,8%).

Почти половину всех зарегистрированных преступлений (46,3%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем краж, – 1018456 (+12,1 %), грабежей – 72 739 (-6,4%), разбоев – 13 642 (-4,9%).

Количество преступлений, совершенных в форме мошенничества (статьи 159 – 159.6 УК РФ), по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилось на 25,2% и составило 200 598 преступлений. Наибольший рост регистрируемых преступлений данного вида наблюдается в Псковской области (на 911; +296,7%), Мурманской области (на 1995; +257,8%), республиках Коми (на 1743; +129,2 %), Башкортостан (на 4552; +133,9%), Карелия (на 917; + 123,8 %).

За анализируемый период правоохранительными органами зарегистрировано преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков меньше на 7%, чем за аналогичный период в 2014 г. Между тем отмечается увеличение на 3,6% числа лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения.

В общей структуре преступности наибольший удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, имеется в Республике Ингушетия (25,4%), г. Санкт-Петербурге (24,1%), Республике Дагестан (20,5%), Чеченской Республике (20,2%), Республике Северная Осетия – Алания (19,5%), Республике Калмыкия (17,2%).

На территории России на 3,2% увеличилось число зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Однако в ряде регионов наблюдается значительный рост таких преступлений. Например, в Ярославской (с 89 до 121; +36 %), Ленинградской (с 92 до 128; +39,1%), Ивановской (с 76 до 110; +44,7%) областях, Республике Коми (со 158 до 222; +40,5%), Республике Дагестан (с 1558 до 2038; +30,8%).

По сравнению с аналогичным периодом 2014 г. на 4,3% возросло число выявленных преступлений экономической направленности, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных преступлений составил 4,7%.

На 3,7% снизилось количество убийств, покушений на убийство, на 8,3% – фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью.

При общем росте числа зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации возросло на 36,3 % количество преступлений террористического характера; на 28,5 % – число преступлений экстремистской направленности.

Ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 439 459 839 тыс. руб., что на 25,1 % больше аналогичного показателя прошлого года.

Анализ социально-криминологической характеристики преступности за январь – декабрь 2015 г. показывает, что более половины совершено лицами, ранее совершавшими преступления. Их удельный вес составляет 54,9% от всех предварительно расследованных преступлений в отчетном периоде.

Почти каждое третье преступление (32%) совершено в состоянии алкогольного опьянения.

Организованными группами или преступными сообществами совершено 13 320 тяжких и особо тяжких преступлений (-1,4 %), их удельный вес в общем числе расследованных преступлений данных категорий составляет 5,1%.

На 3,8% увеличилась преступность среди несовершеннолетних.

На 9,2% возросло число зарегистрированных преступлений, которые совершены на улицах, площадях, в парках, скверах. Их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений составляет 22,2%.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 48 210 преступлений, что на 5,9% больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом 42 070 преступлений из них совершено гражданами государств – участников СНГ (+6,7%), что составило 87,3% от всех преступлений, совершенных негражданами России. Количество преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, за анализируемый период уменьшилось незначительно – на 0,1% и составило 17 289 преступлений.

Согласно статистическим данным официального сайта МВД России за январь – июль 2016 г. на территории Российской Федерации количество совершенных преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления составило 15 748, в том числе взяточничество – 10003, посредничество во взяточничестве – 666.

Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных сократился с 23,4% в январе – июле 2015 г. до 21,3%.

Также наблюдается снижение количества граждан, пострадавших от рук злоумышленников. Число погибших в результате преступных посягательств снизилось на 11,6%, а тех, кому причинен тяжкий вред, – на 10,2%. Почти половина преступле-

ний регистрируется в республиканских, краевых и областных центрах, пятая часть – в сельской местности. Почти половину всех зарегистрированных преступлений (43,7%) составляют хищения чужого имущества. Каждая четвертая кража, каждый двадцать первый грабёж и каждое одиннадцатое разбойное нападение были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое тридцать второе зарегистрированное преступление – квартирная кража (в январе – июле 2016 г. их число сократилось на 7,5% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года).

В январе – июле 2016 г. зарегистрировано 14,13 тыс. экологических преступлений, что на 5,5% меньше, чем за аналогичный период прошлого года.

В указанный период правоохранительными органами выявлено 78,2 тыс. преступлений экономической направленности. Удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 5,8%, а материальный ущерб от указанных преступлений (по окончанным уголовным делам) составил 234,2 млрд руб. Подразделениями органов внутренних дел выявлено 67,1 тыс. преступлений экономической направленности, что составляет почти 86% от общего массива. В январе – июле 2016 г. раскрыто 747,5 тыс. преступлений, выявлено 638,9 тыс. лиц, совершивших преступления.

Преступлений прошлых лет в январе – июле 2016 г. раскрыто 41,2 тыс., половину (49,4%) из которых составляют кражи и двенадцатую часть – мошенничество (3,5 тыс.).

Каждое третье расследованное преступление совершено лицами в состоянии алкогольного опьянения.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 27,6 тыс. преступлений, что на 6,6% меньше, чем за январь – июль 2015 г. [5].

Обобщая представленные органами прокуратуры и органами внутренних дел статистические данные, можно сделать неутешительный вывод о динамике преступности, в том числе и коррупционной преступности, в России. В связи с этим крайне важно в кратчайшие сроки проанализировать причины указанной негативной тенденции в Российском государстве и принять меры к их устранению.

Библиографический список

1. Библиография по коррупции в работе Астанина В.В. Состояние и особенности коррупционной преступности и борьбы с ней в Российской Федерации в 2000 – 2002 гг. // Преступность в России и борьба с ней: региональный аспект. М., 2003. С. 83-122.
2. Конвенция ООН против коррупции: заключена в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780.
3. Гилинский Я.И. Криминология. СПб, 2002. С.233-235.
4. Кириллов М.А., Омигов В.И. Коррупция и ее проявления: сборник научных статей участников Международной научно-практической конференции (Коломна, 29 апреля 2016 г.). С. 178.
5. <https://мвд.рф/folder/101762/item/8306504>

Б.А.Ревнов*
М.Б.Ревнова**

«ПРАВО НА ВОЗРАЖЕНИЕ» ИЛИ ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье анализируется статус Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ее место в иерархии норм российского законодательства, анализируются позиции конституционных судов Германии, Италии, Австрии, России и Верховного суда Великобритании по вопросам обязательности исполнения постановлений Европейского суда по правам человека, исследуются основные решения названных судов по этому вопросу.

Ключевые слова: постановления Европейского суда по правам человека, сфера действия, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, правовые позиции европейских судов.

"RIGHT TO OBJECTION" OR A SEPARATE EXECUTION OF JUDGMENTS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

Summary. The article examines the status of the Convention on the protection of human rights and fundamental freedoms and its place in the hierarchy of norms of the Russian legislation, analyzes the position of the constitutional courts of Germany, Italy, Austria, Russia and the UK Supreme court on matters of compulsory execution of judgments of the European Court of human rights, explores the basic solutions to these courts on this issue.

Key words: judgments of the European Court of human rights, scope, legal position of the constitutional Court of the Russian Federation, legal positions of the European courts.

Конституцией Российской Федерации установлено, что каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты [2]. Таким органом является, в частности, Европейский суд по правам человека, который учрежден в целях обеспечения соблюдения каждым государством, ратифицировавшим Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, принятых на себя обязательств [1, ст. 19], и разрешает вопросы, касающиеся толкования и применения ее положений

* *Ревнов Борис Александрович*, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: akziz07@ya.ru
Revnov Boris Alexandrovich, associate Professor of Department of constitutional and Administrative law of Law Institute (Saint-Petersburg), candidate of Law.

** *Ревнова Мария Борисовна*, ректор Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук.
Revnova Maria Borisovna, rector of Law Institute (Saint-Petersburg), candidate of Law.

и Протоколов к ней [1, ст. 32], в том числе в процессе рассмотрения индивидуальных жалоб [1, ст. 34], и окончательные постановления которого государства – участники Конвенции обязуются исполнять [1, ст. 46].

Российская Федерация, ратифицировав названную Конвенцию, которая, таким образом, вошла в правовую систему России в качестве ее составной части, тем самым признала и без специального соглашения (*ipso facto*) юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения положений данной Конвенции и Протоколов к ней в случаях их предполагаемого нарушения Российской Федерацией [4].

Исходя из этого окончательное постановление Европейского суда по правам человека, принятое по результатам рассмотрения жалобы лица, которое утверждало, что является жертвой нарушения Российской Федерацией его прав, признанных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод или Протоколами к ней, в части, констатирующей соответствующее нарушение в отношении данного лица и присуждающей ему в случае необходимости справедливую компенсацию [1, ст. 34, 41], безусловно, подлежит исполнению [13]. Однако все не так просто, как может показаться на первый взгляд.

Конституция Российской Федерации устанавливает право каждого в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты [2], и также говорит о том, что международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы [1, ст. 15]. Однако Конституция Российской Федерации прямо указывает [1, ст. 79], что Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации.

Приведенная норма в частности устанавливает два ограничения для участия России в межгосударственных объединениях, предусматривающих передачу им части полномочий Российской Федерации: передача полномочий недопустима, если она может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина; передача полномочий недопустима, если такая передача противоречит основам конституционного строя Российской Федерации (т.е. предусмотрено ограничение для уполномоченных на такую передачу органов государственной власти, поскольку она может поставить под угрозу развитие России как демократического правового федеративного государства с республиканской формой правления в его конкретизации положениями гл. 1 Конституции Российской Федерации) [19].

Таким образом, с учетом названных положений, Конституция Российской Федерации, закрепляя суверенитет России, а также собственные верховенство и высшую юридическую силу, закрепляет и недопустимость имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничение прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации и тем самым нарушить конституционные предписания, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского суда по правам человека, содержа-

щие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации [12].

Необходимо отметить, что и Конституция Российской Федерации и Конвенция о защите прав человека и основных свобод призваны защищать одни и те же права, свободы и ценности, а потому противопоставлять смыслы этих двух документов друг другу по меньшей мере некорректно. Однако в то же самое время вопросы толкования указанной Конвенции отнесены к компетенции Европейского суда по правам человека [1, ст. 32], в том числе – при рассмотрении жалоб субъектов, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в данной Конвенции или в Протоколах к ней [1, с. 34]. При этом Европейский суд по правам человека, реализуя указанное полномочие, не связан необходимостью принимать решение по делу в соответствии с Основным законом страны-ответчика. Подобное нормативное регулирование предполагает возможным создание ситуации, когда в результате истолкования (в частности – эволютивного) норм конвенции в решении Европейского суда по правам человека могут содержаться выводы, входящие в противоречие с положениями Конституции страны-ответчика.

Осознавая возможность возникновения подобной ситуации, многие европейские страны сформулировали правовые позиции, позволяющие в некоторых случаях не исполнять решения Европейского суда по правам человека, в том числе – при выявлении конвенционно-конституционных коллизий. К примеру, Федеральный конституционный суд Федеративной Республики Германия выработал правовую позицию «ограниченной правовой силы постановлений Европейского суда по правам человека». В частности, разрешая вопрос об исполнении постановления Европейского суда по правам человека по делу «Гергюлю (Gorgulu) против Германии» [6], он прямо сформулировал принцип приоритета национальной конституции ФРГ перед решениями Европейского суда для целей национального правоприменения: во внутреннем правопорядке Конвенция о защите прав человека и основных свобод имеет статус федерального закона и наряду с практикой Европейского суда по правам человека служит лишь ориентиром для толкования при определении содержания и сферы действия основных прав и принципов Основного закона ФРГ и лишь при условии, что это не ведет к ограничению или умалению основных прав граждан, защищаемых Основным законом ФРГ; решения Европейского суда по правам человека не всегда обязательны для исполнения судами ФРГ, но и не должны полностью оставаться без внимания; национальной юстиции следует учитывать эти решения надлежащим образом и осторожно приспособлять их к внутреннему законодательству. Вместе с тем, как полагает Федеральный конституционный суд ФРГ, средство достижения согласия с Европейским судом по правам человека – это избегание конфликтов между внутренним и международным правом на начальном этапе рассмотрения дела в национальном суде, которые в принципе должны быть сведены к минимуму, поскольку оба суда используют одинаковую методологию [17].

Конституционный суд Итальянской Республики выразил несогласие с постановлением Европейского суда по правам человека от 31 мая 2011 г. по делу «Маджо (Maggio) и другие против Италии» [7] в вопросе осуществления трансграничных

пенсионных выплат, в частности указав в своем решении, что соблюдение международных обязательств не может являться причиной снижения уровня защиты прав, уже заложенного во внутреннем правопорядке, но, напротив, может и должно представлять собой действенный инструмент расширения этой защиты; как следствие, противоречие между защитой, предусмотренной Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, и конституционной защитой основных прав должно разрешаться в направлении максимального расширения гарантий и при условии обеспечения надлежащего соотношения с иными интересами, защищаемыми конституцией, т.е. с другими конституционными нормами, гарантирующими основные права, на которые могло бы повлиять расширение отдельно взятой гарантии [16]. Кроме того, Конституционный суд Итальянской Республики также прямо выразил позицию, в соответствии с которой решение международного судебного органа в случае конфликта с основными конституционными принципами итальянского права делает невозможным какое-либо его восприятие в контексте статьи 10 Конституции Итальянской Республики, которая в обычных условиях предусматривает автоматическую рецепцию международного права в национальную систему [15]. Вопрос, правда, в этом случае возник в связи с решением Международного суда ООН по делу о юрисдикционных иммунитетах государств [10], однако общий принцип подхода очевиден.

Конституционный суд Австрийской Республики еще в 1987 г., не оспаривая значимость Конвенции о защите прав человека и основных свобод и постановлений Европейского суда по правам человека, на ней основанных, пришел к выводу о невозможности применения конвенционных положений в истолковании Европейского суда по правам человека, противоречащем нормам национального конституционного права [1].

Верховный суд Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии также отметил [18] неприемлемость для британской правовой системы выводов и толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод в постановлении Европейского суда по правам человека от 6 октября 2005 г. по делу «Херст (Hirst) против Соединенного Королевства (№ 2)» [8] относительно проблемы избирательных прав заключенных. Согласно правовой позиции Верховного суда Соединенного Королевства решения Европейского суда по правам человека в принципе не воспринимаются как подлежащие безусловному применению: по общему правилу, они лишь «принимаются во внимание»; следование же этим решениям признается возможным лишь в том случае, если они не противоречат основополагающим материальным и процессуальным нормам национального права.

Хотелось бы еще раз отдельно подчеркнуть, что во всех приведенных выше случаях речь идет не о несогласии государств с положениями подписанной ими же Конвенцией, не о противоречии между указанной Конвенцией и национальными Конституциями, а о том толковании норм конвенции, которое было высказано Европейским судом по правам человека, в каждом названном случае не соответствующим ни национальным интересам стран -ответчиц, ни их конституциям (в отношении Великобритании – ее конституционному праву).

Пятой в этом ряду стран, сформулировавших позицию относительно значимости толкования Европейского суда по правам человека норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод, выступает Россия. В конце 2015 г. [5] Конституционный Суд Российской Федерации формально, на законодательном уровне, получил дополнительное полномочие: по запросам федерального органа исполнительной

власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации, разрешать вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека [3]. Между тем Конституционный Суд Российской Федерации и до декабря 2015 г. выражал свои позиции относительно исполнений решений Европейского суда по правам человека. Наиболее знаковыми в этом вопросе являются постановления 2013 и 2015 гг. [13]. Однако, в отличие от правовых позиций названных европейских судов, осуществляющих конституционный контроль, Конституционный Суд Российской Федерации никогда не указывал на «необязательность» решений Европейского суда по правам человека. Напротив, в своих постановлениях Конституционный суд Российской Федерации всегда отмечал необходимость исполнения решений Европейского суда по правам человека [13].

Вместе с тем, если постановление Европейского суда по правам человека, вынесенное по жалобе против России, основано на толковании положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, приводящем к их противоречию с Конституцией Российской Федерации, такое постановление – по смыслу статей 4 (часть 2), 15 (части 1 и 4), 16 (часть 2) и 79 Конституции Российской Федерации – не может быть исполнено. Соответственно, если органы государственной власти Российской Федерации, к компетенции которых относится обеспечение применения Конвенции как международного договора Российской Федерации, приходят к выводу о том, что такое противоречие имеет место и что действия и решения, которые требуются для исполнения постановления Европейского суда по правам человека, могут привести к нарушению положений Конституции Российской Федерации, встает вопрос о действительном смысле этих положений в контексте возникшего противоречия и международных обязательств России.

В Российской Федерации разрешение подобного рода конфликтных ситуаций возложено на Конституционный Суд Российской Федерации, который «лишь в редчайших случаях считает возможным использовать «право на возражение» ради внесения своего вклада (вслед за коллегами из Австрии, Великобритании, Германии и Италии) в формирование сбалансированной практики Европейского суда по правам человека, но не ради самоизоляции от его решений, которые отражают консенсус, выработанный государствами – участниками Конвенции, а исходя из необходимости конструктивного взаимодействия и взаимоуважительного диалога с ним» [12]. Именно в этом контексте следует рассматривать постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 06.12.2013 № 27-П, от 14.07.2015 № 21-П, от 19.04.2016 № 12-П как стремление избежать серьезных осложнений в отношениях России не только с Европейским судом по правам человека, но и с Советом Европы в ситуации, при которой постановление Европейского суда по правам человека предполагает внесение в российское законодательство изменений, чреватых нарушением закрепленных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, причем гораздо более существенным, нежели то, против которого возражал Европейский суд по правам человека.

Наиболее ярким примером очевидного расхождения с положениями Конституции Российской Федерации служит постановление Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» [9]. Дело было

иницировано на основании двух жалоб, поданных в Европейский суд по правам человека гражданами Российской Федерации С.Б. Анчуговым, который за убийство, кражи и мошенничество был осужден к наказанию в виде смертной казни, замененной судом кассационной инстанции лишением свободы на срок пятнадцать лет, и В.М. Гладковым, который за убийство, разбой, участие в организованной преступной группе и оказание сопротивления сотрудникам правоохранительных органов также был осужден к наказанию в виде смертной казни, впоследствии замененной лишением свободы на срок пятнадцать лет [11].

Рассмотрев указанное дело, Европейский суд по правам человека признал нарушение Российской Федерацией в их отношении статьи 3 «Право на свободные выборы» Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что прямо противоречит статье 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Европейский суд заключил, что государство-ответчик вышло за пределы усмотрения, которые имело в этой сфере, и не смогло обеспечить право заявителей на голосование [11], в частности, заявители не могли принимать участие в выборах депутатов Государственной Думы 7 декабря 2003 г. и 2 декабря 2007 г. и президентских выборах 26 марта 2000 г, 14 марта 2004 г. и 2 марта 2008 г. Один из заявителей также не мог голосовать на дополнительных парламентских выборах, проводившихся в избирательном округе по его месту жительства 5 декабря 2004 г. [11].

Согласие Российской Федерации на исполнение такого постановления означало бы нарушение ею статей 15 (часть 1), 32 (часть 3) и 79 Конституции Российской Федерации либо – в силу ее статьи 135 – необходимость принятия новой Конституции Российской Федерации при том, что присоединение к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и участие в ней России как правового демократического государства, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, обусловлено самим принятием, соблюдением и действием Конституции Российской Федерации [12]. Если смотреть на проблему чуть шире, вообще возникает вопрос о том, что собственно, хотел Европейский суд по правам человека от России, кроме констатации несоответствия норм Основного Закона названной Конвенции, так как постановление по делу «Анчугов и Гладков против России» не содержит ни одной конкретной прескрипции в отношении государства-ответчика, однако этот вопрос требует отдельного исследования.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что в 1996 г. Россия подписала, а в 1998 г. ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод исходя из того, что статья 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации полностью согласуется с предписаниями статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции и потому не нуждается в каком-либо изменении. Никаких вопросов, связанных с возможными противоречиями между ними, не возникало и у Совета Европы. Иными словами, и Россия, и Совет Европы признавали, что статья 3 Протокола № 1 к Конвенции к моменту ее ратификации Российской Федерацией и статья 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации находятся в полном соответствии друг с другом. С этого момента и до настоящего времени указанные корреспондирующие друг с другом нормы (правила) текстуально никаких изменений не претерпели.

Между тем в 2013 г. Европейский суд по правам человека на основании жалобы двух осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления приходит к выводу о на-

рушении Российской Федерацией в их отношении статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции. Данный вывод основан на истолковании ее положений, расходящемся с их смыслом, из которого исходили Совет Европы и Россия как сторона данного международного договора при его подписании и ратификации. При таких обстоятельствах Российская Федерация вправе настаивать на интерпретации статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции и ее имплементации в российское правовое пространство в том понимании, которое имело место при введении в действие данного международного договора Российской Федерации как составной части российской правовой системы [11]. Руководствуясь в том числе и названными доводами, Конституционный Суд Российской Федерации признал невозможным в определенной части исполнение постановления Европейского суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков против России» на территории Российской Федерации [11].

Изложенное позволяет осуществить следующие выводы.

1) Конституция Российской Федерации и Конвенция о защите прав человека и основных свобод призваны защищать одни и те же права, свободы и ценности.

2) Нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод и их интерпретация в решениях Европейского суда по правам человека не всегда идентичны по смыслу.

3) Россия не первая и не единственная страна из ратифицировавших Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, предусматривающая механизм неисполнения постановлений Европейского суда по правам человека.

4) Россия признает обязательность, важность и необходимость исполнения постановлений Европейского суда по правам человека на своей территории. Лишь в исключительных случаях, в том числе когда исполнение подобных постановлений влечет нарушение прав большего числа граждан Российской Федерации и противоречит Конституции Российской Федерации, оставляя за собой «право на возражение».

5) Подход России к исполнению решений Европейского суда по правам человека значительно менее конфликтный и менее оппозиционный, чем в Германии, Италии, Австрии и Великобритании, в частности в вопросе обязательности исполнения постановлений Европейского суда по правам человека.

6) Конституционный Суд Российской Федерации предполагает возможным использовать «право на возражение» в исключительных случаях, ради внесения своего вклада в формирование сбалансированной практики Европейского суда по правам человека, но не ради самоизоляции от его решений, а исходя из необходимости конструктивного взаимодействия и взаимоуважительного диалога с ним.

Библиографический список

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.

2. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

3. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

4. Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

5. Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 51 (часть I). Ст. 7229.

6. Постановление Европейского суда по правам человека от 26 февраля 2004 г. «Гергюлю против Германии» (Gorgulu v. Germany) / <http://www.espch.ru/>

7. Постановление Европейского суда по правам человека от 31 мая 2011 г. «Маджо и др. против Италии» (MaggioandOthers v. Italy) / <http://www.espch.ru/>

8. Постановление Европейского суда по правам человека от 6 октября 2005 г. по делу «Херст (Hirst) против Соединенного Королевства (№ 2) «Hirst v. The United Kingdom (no. 2)» <http://www.espch.ru/>

9. Постановление ЕСПЧ от 04.07.2013 «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2014. № 2.

10. Решение Международного Суда ООН от 03.02.2012 № 1031 по делу о юрисдикционных иммунитетах государств (Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece Intervening), Judgment, I.C.J. Reports 2012) / <http://www.icj-cij.org/>

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Вестник Конституционного Суда РФ. № 6. 2015.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П по делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда // Вестник Конституционного Суда РФ. № 2. 2014.

14. Постановление Конституционного Суда Австрийской Республики от 14 октября 1987 г. по делу № B267/86 / <http://www.ris.bka.gv.at/>

15. Постановление Конституционного Суда Итальянской Республики от 22 октября 2014 г. №238/2014 / <http://www.cortecostituzionale.it/actionJudgment.do>.

16. Постановление Конституционного Суда Итальянской Республики от 19 ноября 2012 г. №264/2012 / <http://www.cortecostituzionale.it/actionJudgment.do>.

17. Постановление Федерального Конституционного Суда Федеративной Республики Германия от 14 октября 2004 г. / http://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2004/10/rs20041014_2bvr148104en.html.

18. Решение Верховного Суда Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 16 октября 2013 г. № [2013] UKSC 63 / <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2012-0151.html>.

19. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 1008 с.; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2-е изд. /под ред. С.А.Комарова. СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2014. – 538 с.

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.

П.Б.Салин*

К ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО УЧАСТИЯ В ГОЛОСОВАНИИ ДЛЯ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема участия граждан в электоральных процедурах в Российской Федерации и других странах. Анализируется возможность введения обязанности, а не права участия граждан в голосовании, зарубежный опыт по стимулированию участия граждан в выборах. Предлагается использовать не только узко-нормативистский подход с упором на прямые санкции и стимулирование, но и достижения смежных областей гуманитарных наук, в частности психологии (технология наджа).

Ключевые слова: электоральные предпочтения, выборы, голосование, манипулирование, юридические санкции.

THE QUESTION OF THE INTRODUCTION OF COMPULSORY VOTING FOR CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Summary. The article considers the problem of citizens' participation in election processes in the Russian Federation and other countries. Examines the possibility of imposing obligations, not rights citizens' participation in voting, foreign experience for stimulating citizens' participation in elections. It is proposed to use not only narrow-normativity approach with emphasis on direct sanctions and incentives, but also the achievements of related fields of the Humanities, in particular psychology (the technology of nudge).

Keywords: electoral preferences, elections, voting, manipulation, legal penalties.

Явка на выборах в Государственную Думу в 2016 г., которая составила, по официальным данным, 47,88% от числа зарегистрированных избирателей, стала самой низкой за всю постсоветскую историю выборов в этот орган законодательной ветви власти [1]. Еще до официальной даты голосования стало ясно, что ставка власти на снижение явки (на языке политтехнологов так называемая сушка явки) является чрезмерной и может спровоцировать дискуссии о легитимности не самого голосования вообще (как это было в 2011 г.), а легитимности самой Государственной Думы как института государственной власти в целом. При этом особую актуальность приобретает вопрос о явке на ближайших выборах Президента Российской Федерации, которая при уровне менее 50% от общего числа зарегистрированных избирателей при формальном соответствии российскому законодательству может рассматри-

* Салин Павел Борисович, кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: salpavbor@mail.ru

Salin Pavel Borisovich, Ph.D., Law, Director, Center of Political Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation.

ваться как неудовлетворительная с точки зрения не легальности, а легитимности Президента как ключевого института конструкции российской власти.

В связи с этим вновь возник вопрос о введении нормы об обязательном участии всех граждан Российской Федерации в голосовании. В частности, председатель Центризбиркома Элла Памфилова заявила, что обязательное для всех граждан голосование на выборах теоретически возможно, однако это должно стать вопросом референдума. Однако председатель ЦИКа оговорилась, что сейчас законодательство идет более мягким путем. «Если государство тратит огромные деньги на избирательную кампанию, хотя мы очень оптимизировали расходы, это все же более 10 млрд руб., это огромные бюджетные деньги, они что, должны быть на ветер пущены, если люди не придут на выборы? Это важнейший конституционный долг гражданина. Не из-под палки, но из чувства ответственности, я надеюсь, что мы идем к этому» [2].

Однако возникает вопрос относительно процедуры введения обязательности такого голосования. Э.Памфилова упомянула о референдуме, хотя из контекста ее высказывания следует, что она имела в виду вынесение на референдум только одного изменения в Конституцию Российской Федерации, а именно нормы об обязательном участии граждан в голосовании. Между тем часть 2 статьи 32 Конституции Российской Федерации гласит: «Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме» [3]. Таким образом, Основной Закон четко указывает, что участие в голосовании – право, а не обязанность гражданина. Для наделения российского гражданина дополнительными обязанностями во все не обязательно вносить изменения именно в Конституцию, они могут быть предусмотрены любым федеральным законом. Однако для лишения гражданина активного избирательного права, прямо предусмотренного Конституцией, необходимо внесение изменений в Основной Закон.

Между тем статья 32, в которой в том числе предусмотрено активное избирательное право гражданина Российской Федерации, относится к главе 2 Основного Закона. Согласно статье 135 Конституции положения, в том числе главы 2, не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием. Если предложение о пересмотре положений глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации будет поддержано тремя пятими голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, то в соответствии с федеральным конституционным законом созывается Конституционное Собрание.

Конституционное Собрание либо подтверждает неизменность Конституции Российской Федерации, либо разрабатывает проект новой Конституции Российской Федерации, который принимается Конституционным Собранием двумя третями голосов от общего числа его членов или выносится на всенародное голосование. При проведении всенародного голосования Конституция Российской Федерации считается принятой, если за нее проголосовало более половины избирателей, принявших участие в голосовании, при условии, что в нем приняло участие более половины избирателей. Таким образом, лишение гражданина Российской Федерации активного избирательного права (то есть введение нормы об обязательности его участия в голосовании) невозможно без принятия новой Конституции, проект которой может быть вынесен на референдум. Вполне возможно, что глава ЦИК имела в виду именно этот конкретный случай. Часть 1 статьи 6 Федерального конституционного закона «О референдуме» предусматривает, что Конституционное Собрание вправе вынести

на всенародное голосование проект новой Конституции Российской Федерации. Порядок принятия Конституционным Собранием такого решения, а также порядок вынесения на всенародное голосование проекта новой Конституции Российской Федерации определяется федеральным конституционным законом, принимаемым в соответствии со статьей 135 Конституции Российской Федерации [4]. Между тем в настоящее время отсутствует федеральный конституционный закон, регламентирующий деятельность субъекта, разрабатывающего новую Конституцию, – Конституционного Собрания. Проекты такого закона неоднократно вносились в Государственную Думу (последний раз – в 2015 г.), но не доходили до стадии окончательного рассмотрения.

Если проанализировать мировую практику, то юридическая ответственность за уклонение от участия в выборах распространена достаточно широко, причем как в странах, которые не принято относить к демократическим, так и в так называемых демократических, правда, в последних наказание гораздо мягче, а «вилка» ответственности гораздо уже.

Можно выделить три вида ответственности по степени возрастания негативных последствий для правонарушителя: конституционно-правовая, административно-правовая, уголовно-правовая.

Первый и второй виды ответственности распространены в Европе и Латинской Америке, причем сначала наступает административно-правовая, а затем – конституционная ответственность (гораздо реже – уголовно-правовая). В Бельгии первая неявка на выборы без уважительной причины карается штрафом в €50. В случае повторного нарушения сумма штрафа увеличивается до €125. После четвертого случая гражданин лишается избирательных прав на десять лет, а также возможности получить должность на государственной службе. В Греции отсутствие избирателя в стране в момент выборов не является уважительной причиной для неучастия в голосовании. Граждане, которые окажутся на момент выборов за границей, обязаны проголосовать заранее. Помимо штрафов за неявку могут последовать более серьезные санкции – вплоть до ареста и тюремного заключения на срок от одного месяца до одного года, а также лишение званий и должностей. Практика наложения штрафов в размере от €25 до €70 существует также в Италии, Германии, Австрии, на Кипре и в Люксембурге.

В Аргентине и Бразилии нарушители платят штраф (в Аргентине суммы эквивалентны от 20 до 200 долларов США), после чего гражданин может лишиться права занимать должности государственной службы на срок до трех лет. В Австралии также существует ответственность за неучастие в выборах, но подход гораздо более мягкий. Штраф составляет около 13 долларов США, при этом в случае заблаговременного уведомления избирательной комиссии о неявке нарушитель освобождается от ответственности. При этом средняя явка на выборах всех уровней составляет около 90%, что беспрецедентно для страны западной демократии.

В восточных правовых системах наказания носят гораздо более строгий характер, причем административное взыскание обычно не отделяется от уголовного. Например, в Пакистане нарушителю грозит наказание от 60 долларов США до пяти лет каторжных работ. В Турции нарушитель также может получить взыскание в размере от 13 долларов США до тюремного срока, аналогичные меры применяются к нарушителям и в Египте.

Как видно из вышеприведенных примеров, строгость наказания отнюдь не коррелирует с эффективностью выполнения обязательства гражданина, в качестве

критерия которого можно рассматривать показатель явки. В Австралии при сравнительно мягком наказании и возможности вообще его избежать показатель явки для страны с западным типом демократии весьма высок.

Таким образом, для обеспечения приемлемого уровня явки в России целесообразно использовать меры не карательного, а стимулирующего воздействия. Можно разделить их на две подгруппы: меры прямого стимулирующего воздействия, меры косвенного стимулирующего воздействия.

В первом случае целесообразно применять меры прямого материального стимулирования, которые не могут быть расценены как подкуп избирателей. На самом деле органы местного самоуправления давно применяют подобную практику (продажа товаров по сниженным ценам рядом с избирательными участками в день выборов), однако она не носит систематизированного характера. Поскольку стимулирование явки граждан на участки с помощью наличных средств гарантированно порождает масштабные злоупотребления, целесообразно использовать подобную практику с помощью безналичного стимулирования. Например, проголосовавший на выборах гражданин освобождается от выплаты одного процента налога на прибыль до следующего дня голосования. Однако такой подход, который наверняка был бы оптимальным в годы высоких цен на нефть, сейчас, на фоне растущего дефицита бюджета, наверняка будет заблокирован ведомствами, ответственными за формирование бюджета.

В таком случае целесообразно рассмотреть способы нематериального стимулирования. Логичным подходом было бы уравновесить расширение списка обязанностей гражданина расширением возможных способов его волеизъявления на голосовании, в частности возвращением на выборах федерального уровня графы «против всех». Однако существует серьезная опасность, связанная с тем, что «кандидат против всех» может уже на ближайших выборах занять второе место, что ставит под вопрос легитимность любого коллективного института власти, прежде всего парламента.

В такой ситуации для достижения большей эффективности имплементации существующего законодательства и повышения правовой культуры в обществе целесообразно обратиться не к отраслям права, предусматривающим в качестве санкций различного рода рестриктивные нормы, а к достижениям смежных отраслей гуманитарных наук.

В частности, в западной практике в последнее десятилетие используется такой подход к повышению эффективности правоприменительной практики, как технология наджа (от английского *to nudge* – подталкивать локтем). Суть ее заключается в том, чтобы с помощью психологических методик манипулятивного воздействия сформировать у субъекта правоприменительной деятельности такой ассоциативный ряд, который подсознательно подталкивал бы его к поведению в рамках установленных законом норм поведения, но без прямого указания на позитивные последствия такого поведения или негативные в случае нежелательного поведения.

Сама методика без ее концептуализации используется давно, но была открыта и описана на рубеже XX и XXI вв. Речь идет о хрестоматийной ситуации, в которой оказался голландский экономист Аад Кибом, когда перед ним была поставлена задача снизить стоимость издержек при уборке в мужских туалетах аэропорта Амстердама. Вместо рестриктивных мер (создание новой службы, которая наблюдала бы за соблюдением норм по поддержанию чистоты в туалетах) он использовал изученные к тому времени особенности мужской психологии и путем применения достаточно

дешевой меры (нанесение краской изображения мухи на внутреннюю поверхность унитаза, чтобы она была четко видна посетителю заведения) смог практически без дополнительных затрат добиться снижения издержек на уборку туалетов на 80%.

Однако эта технология была адаптирована для использования в областях гуманитарного знания (в частности, в юриспруденции и политологии) только к концу 2000-х гг., когда вышла книга исследователей Ричарда Талера и Кассы Санстейна «Надж: как улучшить решения, касающиеся здоровья, богатства и счастья» [5]. В ней авторы на основе исследования архитектуры выбора предложили способы эффективного и дешевого достижения таких целей, которые зачастую ставит перед собой законодатель, как, например, экономия электроэнергии, снижение аварийности на дорогах и увеличение потребления овощей.

Следует отметить, что на Западе эту технологию практически сразу начали системно использовать в правоприменительной практике. В частности, в 2009 г. администрация Барака Обамы назначила Санстейна руководителем Отдела информации и нормативно-правового регулирования (OIRA), который тщательно изучает федеральные законы, следя за тем, чтобы польза от их реализации превышала затраты. Санстейн возглавлял OIRA до 2012 г. Во время своего пребывания на этом посту он принимал активное участие в том, что сам называет «крупномасштабной трансформацией американской системы управления». В результате работы вновь созданного подразделения американские граждане, например, стали правильнее питаться, экономить электроэнергию, откладывать деньги на старость и т.п.

В 2010 г., когда в Великобритании образовалось коалиционное правительство, британский премьер-министр Дэвид Кэмерон создал специальный Отдел наджа. Согласно одному из нововведений теперь при получении водительского удостоверения всем задают вопрос: «Хотели бы вы зарегистрироваться в качестве донора органов?». Граждане имеют право отказаться, но авторы идеи рассчитывают на то, что нововведение позволит довести количество добровольных доноров до 70% от всего населения. Директор отдела Дэвид Хальперн считает, что одним из самых значимых достижений его команды стало улучшение ситуации с уплатой налогов [6].

Таким образом, можно констатировать, что чисто нормативистский подход в правоприменительной практике (который заключается во введении прямых рестриктивных и/или поощрительных норм для правоприменителей) себя исчерпал. Для повышения уровня выполнения норм законодательства необходимо использование достижений смежных с юриспруденцией областей гуманитарных наук, в частности психологии. Это касается и проблемы повышения уровня явки на выборы в России. Исключительно обязывающие меры не принесут должного эффекта не только в силу необходимости создания новой Конституции, о чем сказано выше, но и в силу отсутствия необходимых инструментов для стимулирования желаемого электорального поведения граждан, создание которых обошлось бы бюджету относительно недорого.

Библиографический список

1. Официальные данные об итогах голосования на выборах в Госдуму в 2016 году [режим доступа: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100067795854&vrn=100100067795849®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067795854&type=233]. Дата обращения: 05.10.2016.

2. Элла Памфилова увидела перспективы у обязательного голосования // Коммерсантъ, 2016. 12 сентября.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

4. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 24.04.2008) "О референдуме Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.

5. Richard H. Thaler, Cass R. Sunstein. Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness. Yale University Press, New Haven, CT, 2008. – 293 p.

6. Лоутон Г. Манипуляция сознанием: метод «локтя» // New Scientist. 2013. № 9 (30).

Т.М.Шамба*

ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК – ВАЖНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются общие и частные вопросы правопорядка, дается характеристика его содержания и соотношения с общественным порядком. Правопорядок – это состояние волевых общественных отношений, урегулированных нормами права. Отмечается, что в его обеспечении участвуют как государственные, так и негосударственные органы. Отражается роль правового воспитания, профилактики правонарушений.

Ключевые слова: правопорядок, правовое воспитание, норма права, социальные нормы, профилактика правонарушений.

THE LEGAL ORDER IS AN IMPORTANT FUNCTION OF THE STATE

Summary. The article considers General and specific questions of law, describing its content and the relation with public order. Law and order is a state of willed social relations regulated by rules of law. It is noted that the provision involved both state and non-state actors. Reflects the role of legal education, profi-laktiki of pravonarushenii.

Keywords: law, legal education, rule of law, social norms, and delinquency prevention.

Важность охраны и упрочения правопорядка в условиях формирования демократического, правового Российского государства объективно предполагает формирование соответствующей системы права. Именно в праве программируется должный правопорядок, именно законодательные и подзаконные акты определяют сферы и способы нормативно-правового воздействия на общественные отношения, обеспечивая их упорядоченность. Поэтому оптимальное выявление в процессе правотворческой деятельности общественных отношений, нуждающихся в юридическом регламентировании, является важной специальной функцией институтов гражданского общества и государства.

Деятельность общества и государства по совершенствованию правовой системы осуществляется на основе знания законов общественного развития, является практическим воплощением в жизнь теории о важной созидательной, организующей роли государства по строительству демократического, правового государства. Известно, что потребности гражданского общества неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме закона получить всеобщее признание. Воля, если она государственная, должна быть выражена как закон, установленный законодателем.

В демократическом государстве право выступает в качестве одного из серьезных факторов социально-экономических, культурных преобразований, является важным компонентом социального управления, способствующим эффективному решению ор-

* Шамба Тарас Миронович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ганизационных задачи в интересах граждан. С помощью права возможно государственное руководство улучшением качества жизни, подъемом культуры народа, оптимизацией работы гражданского общества. Правовые акты государства должны обеспечить борьбу с коррупцией, деградацией общества, безраздельным господством олигархов. Если правовые акты и нормы отшлифованы, четко отработаны функции, обеспечивается их реализация, то экономическая, политическая, нравственная жизнь протекает спокойно, организовано, государственные и общественные правоохранительные органы максимально эффективно реализуют свои функции. Динамичное развитие права является одной из позитивных закономерностей развития российского общества.

В условиях формирования демократического Российского государства возрастает значимость права в повышении его социальной роли. Правовые нормы играют все большую роль в функционировании государственно-общественной системы. Однако право – чрезвычайно сложное, многогранное явление. Соответственно и его развитие включает в себя различные стороны, разные направления, которые, синтезируясь, в итоге образуют единый процесс – правовую динамику, определяющую общественную значимость, содержание и черты правопорядка.

В демократическом обществе правопорядок складывается в результате правового регулирования общественных отношений, является неотъемлемой частью правового государства. Вместе с тем известно, что на общественные отношения воздействуют не только юридические нормы, но и политика, мораль, обычаи, традиции и др. Отсюда потребность выяснить механизмы образования правопорядка, его социальной роли, места в урегулировании общественных отношений.

Нормы права, морали, обычаи являются нормами социального поведения людей, представляют собой своего рода формулы, в которых сконцентрирована общественная необходимость к поведению личности в ее взаимоотношениях с теми или иными физическими и юридическими лицами, институтами гражданского общества. Они реализуются в поступках не изолированного, а как части единой целостной системы социального регулирования поведения членов общества.

Только благодаря воздействию этой системы норм социального регулирования поведения людей достигается общественный порядок, соответствующий потребностям государства. Общественный порядок представляет собой систему, состоящую из структурных элементов или подсистем. Каждая подсистема выступает, в свою очередь, как система более низкого уровня, содержащая собственные подсистемы, которые могут подвергаться дальнейшему расчленению.

Правопорядку как части общественного порядка присуща относительная самостоятельность, которая проявляется прежде всего в том, что он обладает специфическими свойствами, отличными как от свойства целого, так и от свойств других частей общественного порядка. Правопорядок имеет свои подсистемы, составные части, соответствующие порядку, регулируемому различными отраслями права, правовыми актами, нормами.

На наш взгляд, правопорядок является лишь той частью общественного порядка, который образуется в результате регулирования общественных отношений юридическими нормами. При этом в качестве главного критерия отличия правопорядка от других видов установленного в обществе порядка справедливо выдвигаются правовые нормы – регуляторы поведения, или способ упорядочения отношений. Именно этот признак является существенным при обособлении правопорядка, помогая, в свою очередь, выделить и другие его отличительные особенности.

Например, одной из таких особенностей можно назвать ограниченность правопорядка во времени, обусловленную историческими пределами существования права. Если общественный порядок возник в рамках первобытнообщинного строя, то правопорядок возник гораздо позже, когда возникло государство и право.

Ученые, исследовавшие природу, механизмы образования, содержания и черты правопорядка, пришли к обоснованному заключению, что правопорядок – это состояние волевых общественных отношений, урегулированных нормами права (Алексеев С.С., Борисов В.В., Грацианский П.С., Джатиев В.С., Керимов Д.А., Сауляк О.П., Явич Л.С. и др.).

Современное общество характеризуется наличием огромного количества связей и взаимодействий, возникающих в процессе социальной деятельности людей. Эти связи и взаимодействия, существующие в обществе, и являются общественными отношениями.

Словом, правопорядок – это общественные отношения, непосредственно урегулированные согласованной и упорядоченной системой правоотношений. Конечно, можно было показать более подробно соотношение понятий «правовые отношения» и «правопорядок», но это для другого «круглого стола». Мы же говорим: правопорядок – это недолжное или возможное поведение, формируемое в правовых нормах, не абстрактные права и обязанности, а фактическая реализация людьми должностований и возможностей, реальное поведение субъектов права. Именно поведение людей, связанное с действием права, и образует правопорядок.

Правопорядок часто интерпретируется как результат только государственной деятельности, как порядок отношений, предполагающий исключительно активность государства. Между тем формирование правового государства, а тем более демократического, убедительно свидетельствует о том, что широкая общественность, институты гражданского общества, граждане не должны стоять в стороне от активной деятельности по утверждению правопорядка. В условиях демократического общества укрепление законности и упрочение правопорядка – забота всех и каждого.

Очень радует активная деятельность Фонда развития гражданского общества, Общероссийского народного фронта, серьезно включившихся в борьбу с преступностью. Хорошо бы им активизировать работу по нравственному и правовому вовлечению граждан. Конечно, нравственность и право – различные понятия. Однако они тесно связаны между собой. В демократическом обществе право нравственно по своему содержанию. Оно должно выражать волю большинства населения (например, борьба с коррупцией). Поэтому нравственность и право постоянно и гармонично взаимодействуют при регулировании общественной жизни и поведения людей. Борьба с правонарушениями (наиболее опасной их частью – преступностью), с одной стороны, является одним из средств решения задач утверждения нравственности, формирования гармонично развитой личности, свободной от пережитков прошлого. В этом деле очень важно правовое воспитание, о котором в последние годы говорится мало, да и по существу ничего не делается.

Такая задача, несомненно, актуализирует проблему усиления правоохранительной деятельности. Следует заметить, что понятие «правоохранительная деятельность» употребляется в узком и широком смысле слова. Под правоохранительной деятельностью в узком (собственном) смысле слова понимается непосредственная охрана установленного законом порядка общественных отношений, то есть борьба с правонарушениями путем привлечения виновных к ответственности, рас-

смотрения уголовных и гражданских дел, применения санкций (наказания правонарушителей). В широком смысле слова правоохранительная деятельность представляет собой разветвленную функциональную систему социально-правовых средств, обеспечивающих охрану правопорядка. Ее задачей является не только борьба с преступностью путем привлечения виновных к ответственности, но и поддержание, укрепление правопорядка, создание благоприятных условий для действия правовых установлений, беспрепятственного осуществления всеми субъектами (физическими и юридическими лицами и т.д.) их прав и обязанностей. Таким образом, суть правоохранительной деятельности (работы), главный ее курс – совершенствование правовых норм, институтов, отношений. Поэтому целесообразно, на наш взгляд, рассматривать правоохранительную деятельность в широком смысле как состоящую из правовоспитательной, профилактической и правоохранительной (в узком смысле) деятельности.

Интеграция правового воспитания в общую правоохранительную работу вызвана тем, что оно направлено на формирование правосознания и правовой культуры, на правомерное поведение. Правовое воспитание, наряду с другими видами воспитания, способствует формированию правомерного поведения. Иначе говоря, правовое воспитание составляет важную часть культурно-воспитательной деятельности (функции) Российского государства и других институтов гражданского общества. Поэтому правовое воспитание следует, на наш взгляд, рассматривать как составную часть двух систем: формирование общей культуры воспитания и правоохранительной деятельности.

Подобным образом можно рассматривать и социальную профилактику правонарушений. Известно, что правовая норма – один из видов социальных норм, действующих в обществе. Исходя из этого, правомерен вывод, что профилактика правонарушений является составным элементом общесоциальной профилактики, направленной на предупреждение негативных явлений, то есть нарушений не только правовых норм, но и норм нравственности, правил общечеловеческого общежития. Вместе с тем профилактика правонарушений органично вплетается в общую правоохранительную деятельность, однако не растворяется в ней. Квалифицирующий признак профилактики правонарушений состоит в ее направленности на непосредственное выявление причин и условий совершения правонарушений с тем, чтобы устранить или ослабить их отрицательное действие.

Правовое воспитание и профилактика правонарушений разграничиваются, с одной стороны, собственно правоохранительной деятельностью, с другой – по линии объекта воздействия. Правовое воспитание и профилактика направлены на предупреждение возможных правонарушений, собственно правоохранительная деятельность «имеет дело» с фактическими правонарушениями после (или в процессе) их совершения. Следовательно, главная задача собственно правоохранительной деятельности состоит в пресечении правонарушений и принятии предусмотренных законом мер за их совершение.

Правовое воспитание, профилактика правонарушений и собственно правоохранительная деятельность не только взаимодействуют, но и переходят друг в друга, граница между ними подвижна и условна. Правовое воспитание – эффективное средство профилактики правонарушений. С другой стороны, скажем, судебный приговор имеет огромное и воспитательное и предупредительное значение. Вместе с тем в рамках общей правоохранительной деятельности каждый из ее структурных эле-

ментов занимает свое место, обладает самостоятельностью, выраженной в методах и формах решения задач охраны правопорядка. Профилактика правонарушений нацелена прежде всего на непосредственное выявление и устранение причин и условий правонарушений. А собственно правоохранительная деятельность имеет своей задачей не только выявление, но и пресечение правонарушений и наказание виновного. Сами по себе эти действия не обеспечивают предупредительного эффекта. Выявление самого факта правонарушения (или преступления) еще не дает полной картины о причинах, его порождающих, и об условиях, способствующих его совершению. Достижение специфического профилактического результата предполагает определенную профилактическую работу.

Словом, правовоспитательная, профилактическая, собственно правоохранительная деятельность составляют единую, общую систему, обеспечивающую правопорядок. Они органически связаны между собой, переплетаются, дополняют друг друга и взаимодействуют, хотя имеют и свои специфические особенности, позволяющие (в аналитическом, научном плане) рассматривать их раздельно.

Большое значение для охраны и упрочения правопорядка имеет правовое воспитание граждан, входящих в систему социального воспитания как один из его видов. Если социальное воспитание направлено на формирование общественного сознания в целом, то каждый вид воспитательной работы ориентирован преимущественно на соответствующий вид общественного сознания. Правовое воспитание формирует правосознание граждан, их высокую правовую культуру. Его недостатки ведут к изъянам в правовых убеждениях и привычках, способствуют нигилистическому отношению к закону, законности и правопорядку.

В современный период перед Российским государством встает множество задач, от решения которого зависит могущество, суверенитет, благополучие, безопасность страны. Задача, которую нужно решать безотлагательно, – борьба с преступностью, укрепление законности и утверждение правопорядка.

Российская Федерация должна серьезно взяться за эффективную реализацию своей основной функции – охраны и укрепления правопорядка. Функция охраны и укрепления правопорядка является самостоятельной, структурно выделенной в системе государственных функций. Понятно, что эту функцию в первую очередь осуществляют специальные государственные органы – органы охраны правопорядка.

Если классифицировать органы государства по функциональному признаку в зависимости от характера и направлений их деятельности, то к правоохранительным органам следует отнести суд, прокуратуру, органы внутренних дел и юстиции, государственной безопасности, нотариат, налоговые органы, ведомственные инстанции и т.д. Но система органов охраны правопорядка выходит за рамки собственно государственных и включает в себя ряд институтов гражданского общества и органов общественной самодеятельности. Это обусловлено рядом факторов, главным из которых является возрастание доли институтов гражданского общества, общественных организаций, граждан в борьбе за укрепление законности и правопорядка. И тем не менее доминирующая роль в охране и укреплении правопорядка принадлежит государственным органам.

А.Н.Якушев*
С.А.Комаров**

К ВОПРОСУ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПРОГРАММАМИ АНТИПЛАГИАТА РЕЗУЛЬТАТОВ ОЦЕНКИ СВОБОДНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ДИССЕРТАЦИЯХ

Аннотация. *Статья посвящена проблемам применения программ антиплагиата. Установлено, что их основу составляют нормы подзаконных актов, противоречащие статьям федеральных законов; что критериями оценки использования оригинального произведения являются не слова и не словосочетания, а абзац. Правоприменительная практика показывает, что отчёты программ антиплагиата – это массовая фальсификация результатов оценки использования оригинальных произведений. Структура статьи: актуальность темы, правовые основы использования произведения, цитирование, плагиат, «плагиат» в диссертациях, отчёты программ антиплагиата на предмет оригинальности текста научного произведения.*

Ключевые слова: *программы антиплагиата; свободное использование произведения; форма произведения; содержание произведения; присвоение авторства (плагиат); «плагиат» в диссертациях.*

MASS FALSIFICATION OF RESULTS OF THE EVALUATION OF THE FREE USE OF WORKS IN THESES PROGRAMS

Abstract. *The article is devoted to the development and application of programs of anti-plagiarism. It is established that they are based on norms of regulations that contradict Federal laws; that the criteria for evaluating the use of the original work are not words or phrase, and paragraph. Law enforcement practice shows that the reports of the programs of anti-plagiarism is a massive falsification of the results of the evaluation of the use of the original works. The structure of the article: relevance of the topic, the legal basis for the use of the work, citation, plagiarism, "plagiarism" in the theses, reports, programs of anti-plagiarism on the subject of the originality of scientific works.*

Keywords: *program plagiarism; free use of a work; the form of the work; content of work; appropriation of authorship (plagiarism); «plagiarism» in dissertations.*

* **Якушев Александр Николаевич**, доктор исторических наук, кандидат юридических и педагогических наук, профессор. E-mail: yakushevan@ya.ru

Yakushev A. N., doctor of historical Sciences, PhD in law and pedagogy, Professor.

** **Комаров Сергей Александрович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Международного университета в Москве. E-mail: svkomarov2008@ya.ru

Komarov S. A., doctor of legal Sciences, Professor, head of Department of theory and history of state and law International University in Moscow.

Актуальность темы. В законодательстве Российской Федерации не закреплены критерии оценки и процедура оценки свободного использования оригинального произведения в научных целях. Поэтому бессмысленным становится обращение лиц в суды общей юрисдикции по поводу необъективной оценки результатов использования произведений в диссертациях программами антиплагиата, так как они рассматривают дела, связанные только с процедурными нарушениями.

В основу программ антиплагиата положены нормы подзаконных актов, противоречащие статьям федеральных законов.

Термин «использование произведения» заменён на термин «заимствование материала», который не предусмотрен федеральными законами и отсутствует в терминологии по издательскому делу.

Разработчики программ антиплагиата для сравнения текстов берут отдельные слова и словосочетания, изъятые из предложений используемого и созданного произведений, нарушая при этом их внешнюю оболочку, то есть форму. Изъятые фрагменты текста не являются результатом творческой деятельности автора, нарушают определённую совокупность и последовательность слов в предложениях, тем самым меняют их внешнюю форму в структуре элементов текста, а значит и их смысл.

Плагиат – уголовно-правовая категория. Программы антиплагиата не могут распознать, имеется ли в созданном произведении плагиат, так как они не учитывают такой обязательный признак, как: нанесён ли автору оригинального произведения крупный ущерб от присвоения авторства? На диссертации плагиат не распространяется. Можно говорить лишь о недобросовестном использовании полностью, части или элементов текста произведения. А это уже нравственная категория.

О ценности диссертации судят не по оригинальности её текста, а по научным достижениям, которые не относятся к объектам авторского права и не охраняются им. К тому же в законодательстве не закреплён смысл понятий «новый научный результат» и «научное достижение».

К чему всё это приводит? К массовой фальсификации результатов оценки свободного использования произведений в диссертациях, к значительному уменьшению научных произведений и изданий, так как в одном предложении автору нового произведения иногда необходимо сделать 3-7 библиографических ссылок, содержащих аналогичные слова и словосочетания, но имеющих совершенно разные формы структурных элементов текстов произведений или изданий.

Действующее Положение о присуждении ученых степеней определяет параметры оценки диссертаций, в рамках которых совет принимает то решение, которое он считает обоснованным [4]. Положение не сформулировано как закон и носит не императивный, а установочный характер (безусловно обязывающий характер носят вопросы процедуры заседания диссертационного совета, регламентируемые действующим Положением о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук). В противном случае самостоятельность общественной организации, которой, как известно, является диссертационный совет, при принятии ею заключений тайным голосованием исчезает.

В Положении сформулированы ясные критерии обоснованности решений советов, которая не обеспечивается исключительно формальной, а теперь и механизированной, экспертизой текста диссертации, хотя такая экспертиза, безусловно, нужна, но до недавнего времени, однако, не была обязательной и общедоступной.

Правовые основы использования произведений закреплены федеральными законами [1, 2, 3]. Ст. 1274 ГК РФ ч. 4 включает термины «использование произведения» и «источник заимствования». Подзаконные и ведомственные нормативные правовые акты [4, 5], вводя новые термины, не предусмотренные федеральными законами («источник заимствования материалов», «источник заимствования отдельных результатов», «источник результатов научных работ», «использование заимствованного материала», «использование результатов научных работ»), не раскрывают их суть, не дают пояснения этих терминов в целях принятых актов.

«Результатами интеллектуальной деятельности» согласно п. 1 ст. 1225 ГК РФ ч. 4 являются произведения науки (пп. 1 ст. 1225 ГК РФ ч. 4) в том числе и диссертации. Они относятся к объектам авторского права (п. 1 ст. 1259 ГК РФ ч. 4). «Результаты научных работ» [4] в соответствии с абз. 2 п. 14 постановления Правительства РФ отражают итоги решения задач диссертационного исследования и оформляются в виде эмпирических и теоретических знаний, на которые авторское право не распространяется (п. 5 ст. 1259 ГК РФ ч. 4). Как видите, произошла подмена термина федерального закона на термин подзаконного акта, смысл которого совершенно иной.

Ст. 1274 ГК РФ ч. 4 посвящена *свободному использованию произведения* в научных целях. Пункт 1 данной статьи допускает без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения *цитирование в оригинале в научных целях правомерно обнародованных произведений в объёме, оправданном целью цитирования*, но при этом обязывает потребителя указывать *имя автора и источник заимствования* [1].

Использование произведения – это фактические действия, которыми создаётся возможность доступа к *произведению* неопределённого круга его *потребителей* [6, с. 566] для написания и создания нового произведения или воспроизведения частей и элементов текста из него.

Авторское право распространяется на произведение, являющееся результатом творческой и самостоятельной деятельности автора, выраженное в объективной форме (текст), позволяющее третьим лицам *воспроизводить* его (повторно придавать произведению объективную форму) [6, с. 559]. Оно охраняет форму произведения, то есть его текст. Однако авторское право не распространяется на форму объективного выражения произведения, то есть на его содержание. В рамках формы произведения, имеющееся содержание авторским правом охраняется. Однако, вне частей и элементов текста произведения – нет.

Пункт 5 ст. 1259 ГК РФ ч. 4 перечисляет виды знаний, на которые авторское право *не распространяется* [1]. Однако в приведённом перечне отсутствуют такие знания: *на эмпирическом уровне (события, явления, отношения); на теоретическом уровне (проблемы, понятия, категории, гипотезы, теории, закономерности, доктрины, учения, положения, тезисы, классификации, типологии, хронологии, периодизации и т.п.)* [7].

ГОСТ Р 7.0.3-2006 к *частям и элементам текста издания* относит: заголовок, рубрику, подрубрику, часть, раздел, главу, параграф, абзац, введение, заключение, статью, цитату, дополнение, приложение, посвящение, эпиграф, библиографическое описание, диаграмму, схему, чертёж, график, план, рисунок, иллюстрацию, формулу, таблицу [8]. На них и распространяется авторское право, как на элементы текста произведения или издания. Нетрудно заметить, что к элементам текста произведения не относятся слова, словосочетания и даже предложения.

Текст – это произведение, зафиксированное словесно, характеризующееся *структурой и смысловой завершенностью*. Для него характерна *определённая совокупность* предложений, расположенных в *определённой последовательности* и связанных друг с другом по смыслу, грамматически, оформленных композиционно и стилистически с помощью разных языковых средств. Предложения могут объединяться в абзацы, параграфы, главы, разделы, части, рубрики.

Согласно ГОСТ Р 7.0.3-2006, самой мелкой структурно-композиционной единицей текста является абзац [8], «состоящий из одной или нескольких фраз и которую автор вычленяет для того, чтобы отделить одну микротему текста от другой» [9]. Заметьте, не слово, и не словосочетание, а абзац. Таким образом, абзац должен быть критерием оценки использования произведения в научных целях для установления оригинальности авторского текста созданного произведения.

Цитирование. Одним из случаев свободного использования правомерно обнародованных произведений, в том числе в научных целях, является *цитирование в оригинале*, которое необходимо «осуществлять добросовестно и в объёме, оправданном поставленной целью» [10] или «целью цитирования» [1]. Цитирование – воспроизведение оригинального авторского текста в составе другого произведения с указанием имени автора и источника заимствования. Ни Бернская конвенция, ни ГК РФ ч. 4 не указывают на объём текста, который можно цитировать, не ограничив или не нарушив при этом права автора используемого произведения.

Плагиат. Термин «плагиат» отсутствует в Бернской конвенции, в ГК РФ ч. 4 и в КоАП РФ.

В Уголовном кодексе Российской Федерации термин «плагиат» присутствует в ч. 1 ст. 146, в которой «присвоение авторства (плагиат), если это деяние причинило **крупный ущерб** автору или иному правообладателю» [2], наказывается штрафом, либо обязательными работами, либо исправительными работами, либо арестом. Уголовная ответственность, как мы видим, наступает только в случае, если **доказано присвоение** авторства и **причинение** автору или иному правообладателю **крупного ущерба**. Однако ни ГК РФ и ни УК РФ не дают определения понятию «плагиат». Образовавшийся правовой пробел (вакуум) восполняет постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14. В нём даётся разъяснение судам ст. 146 УК РФ. Согласно документу «присвоение авторства (плагиат) – это *объявление себя автором* чужого произведения, *выпуск* чужого произведения (в полном объёме или частично) *под своим именем, издание под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени*» [11]. Таким образом в определении понятия «плагиат» выделяют три обособленных признака:

– присвоение авторства чужого произведения **в полном объёме**;

– выпуск в обращение (опубликование) экземпляров чужого произведения **в полном объёме или частично** под своим именем;

– издание произведения, созданного в соавторстве, только под своим именем.

Все эти признаки в ч. 1 ст. 146 УК РФ увязываются ещё с одним признаком – причинение **крупного ущерба** автору и иному правообладателю.

При рассмотрении вопроса о плагиате необходимо также обращать внимание на объём используемого произведения, авторство которого присваивается в рукописном либо опубликованном, либо изданном варианте под своим именем.

Распространяются ли вышеперечисленные признаки на тексты диссертаций? Думаем, что нет.

«Плагиат» в диссертациях. С точки зрения уголовного права о плагиате можно говорить лишь в случае наличия двух взаимосвязанных оснований:

– когда соискатель учёной степени присваивает себе авторство чужой диссертации *в полном объёме*, и

– когда присвоение авторства чужой диссертации приводит к крупному ущербу её автору или иному правообладателю.

Обратите внимание, присваивается авторство не части и не отдельных элементов текста используемой диссертации, а всей. Опубликование и издание диссертаций (магистерской, кандидатской, докторской) не характерны для института присуждения учёных степеней, так как они представляются к защите *in vide рукописи*. Поэтому в данном случае речь не может идти о причинении крупного ущерба автору использованной диссертации. Ведь на защиту соискатель учёной степени представляют 2-3 диссертации. До защиты диссертацию размножают в количестве 6-8. В СССР на правах рукописи считали произведения, размноженные до 100 экземпляров.

Отчёты программ антиплагиата на предмет оригинальности текста научно-го произведения. Давайте посмотрим на ярчайший образец юридической безграмотности и некомпетентности разработчиков программ антиплагиата. Умышленное нарушение ими отдельных статей ГК РФ ч. 4 и УК РФ (о них мы писали выше) приводит к массовой фальсификации ими результатов оценки использования произведений в диссертациях, монографиях, научных статьях, сборниках научных трудов, материалах научных конференций, отчётах НИР. Вот лишь один из огромного множества примеров, поражающих своей абсурдностью.

Приложение 1

[3] Работа состоит из введения, [28] трёх [3] глав, заключения, списка [49] использованной литературы, приложения.

[1] Заявление о [6] рождении в устной и письменной форме (в [9] форме электронного документа через единый портал государственных и муниципальных услуг) [2] может быть представлено в орган [7] ЗАГС родителями (одним из родителей) ребёнка (а также другим лицом, заявляющим о рождении ребёнка) [1] по месту жительства [2] любого [33] из родителей или по месту [2] фактического рождения.

Из приведённых выше примеров видно, что автор научной работы должен был в одном предложении в первом случае сделать 3 библиографические ссылки, а во втором – 7. Скажите, пожалуйста, что «заявление о» – это структурный элемент текста произведения, является результатом творческой деятельности автора, выражено в объективной форме, имеет смысловую нагрузку и завершённость? Да, нет же. Слово и словосочетание не относятся к элементам текста произведения или издания согласно ГОСТ Р 7.0.3-2006. Поэтому грубой ошибкой считается сравнение слов и словосочетаний, изъятых из разных по смыслу предложений и разных произведений или изданий. Если для сравнения текстов произведений брать только слова, то оригинальность созданного текста будет нулевой, так как все эти слова уже давно известны, если заглянуть в этимологический словарь. Например, слова и словосочетание, применяемые в документах, связанных с присуждением учёных степеней, мы впервые встречаем в отечественных изданиях в следующих годах:

- «голосование», «диспут», «мнение», «протокол» – в 1714 г. [12],
- «диссертация» – в 1725 г. [13],
- «списание с чужого сочинения» (то есть «плагиат») – в 1816 г. [14].

Термин «диссертация» в нормативных правовых актах Российской империи в разные годы периодически менялся, а именно:

- в 1724 г. – «градус», «рассуждение» [15],
- в 1747 г. – «диссертация» [16],
- в 1803 г. – «сочинение», «*pro venia legendi*»,
- в 1810 г. – «медико-топографическое описание»,
- в 1864 г. – «самостоятельное учёное сочинение»,
- в 1917 г. – «работа научного характера», «научное исследование».

Как Вы себе представляете изменение данного термина, принятого тем или иным нормативным правовым актом? Юридическая лексика не допускает изменений юридических терминов словами-синонимами и (или) своими словами. Поэтому термин «заявление» не может быть заменён на «прошение» или какие-то другие слова.

Кроме того, юридические диссертации на соискание учёной степени кандидата наук в среднем включают в себя примерно 40-50 тысяч слов. Можете себе представить, сколько необходимо сделать библиографических ссылок автору диссертации. Это не 100 и не 200, а около 10 тысяч. А, если это докторская диссертация?

Удивляет и ещё один издевательский и глумливый факт. Это обращение разработчиков программ антиплагиата к пользователю. Суть его в том, что применяемые программы не могут установить и доказать:

- использовался ли в созданном произведении фрагмент текста авторского оригинального произведения или нет;
- является ли используемый фрагмент текста плагиатом или нет;
- нанесён ли крупный ущерб автору оригинального произведения или нет в результате использования фрагмента его текста в созданном произведении;
- являются ли результаты, представленные в диссертации, научными результатами, научными достижениями или нет?

На эти и другие важные вопросы программы антиплагиата предлагают ответить самим пользователям. Всё перевёрнуто с ног на голову.

Добавим еще и то, что центральным звеном в работе диссертационного совета по формированию своего аргументированного решения о присуждении соискателю ученой степени или отказе ему в его притязании является не сам по себе текст диссертации и текст автореферата и не комплект соответствующих документов, а публичная защита диссертации. Для диссовета сам текст диссертации является лишь отправной информационной основой для научной дискуссии. Именно сам процесс защиты, если к тому же она проводится в полном соответствии с установленной процедурой, является главным в определении того, можно или нельзя присудить соискателю искомую ученую степень.

Массовая фальсификация результатов оценки использования оригинальных произведений или изданий в научных целях охватывает *десятки миллионов* человек: бакалавров, магистрантов, аспирантов, докторантов, преподавателей, учёных; авторов диссертаций, монографий, научных статей в научных изданиях и журналах, научных трудах, материалах научных конференций, отчётов о НИР; авторов-составителей научных трудов, материалов научных конференций.

Какова роль в этом Правительства Российской Федерации, Министерства образования и науки Российской Федерации, Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, вузов России, владельцев программ антиплагиата в многомиллиардном бизнесе, построенном на умышленном нарушении отечественного законодательства, на массовом обмане вышеуказанных лиц и полном абсурде? Предлагаем им самим ответить.

Выводы.

1. Программы антиплагиата не соответствуют федеральным законам и не должны использоваться при оценке результатов научной деятельности.

2. Самой мелкой структурно-композиционной единицей текста произведения является абзац. Он должен выступать в качестве критерия оценки использования авторского оригинального произведения, а не слова, не словосочетания, не предложения и не фрагменты текста.

3. Плагиат – уголовно-правовая категория, не свойственная диссертациям.

4. Отчёты программ антиплагиата на предмет оригинальности текста научного произведения – это массовая фальсификация результатов оценки использования авторских оригинальных произведений.

5. О ценности диссертации судят не по оригинальности её текста, а по научным достижениям, которые не являются объектами авторского права и не охраняются им.

6. Положения о плагиате, разработанные вузами, не соответствуют федеральным законам и подлежат отмене.

7. Разработчики программ антиплагиата используют произведения науки для сравнения текстов, не заключив лицензионных договоров с авторами оригинальных произведений.

8. Обладатели программ антиплагиата не заключают договоров на оказание услуг с лицами, которые ими пользуются, не оказывают им в полном или частичном объёме эти услуги.

9. Суды общей юрисдикции не могут рассматривать дела, связанные с плагиатом (за исключением уголовных дел), компиляцией и недобросовестным использованием произведения, так как законодательством не установлены и не закреплены критерии оценки и процедура оценки свободного использования авторских оригинальных произведений.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 03.07.2016 № 314-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016 № 375-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.07.2016 № 374-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

4. О порядке присуждения учёных степеней (вместе с «Положением о присуждении учёных степеней»): постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 21.04.2016 № 335) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 40 (ч. III). Ст. 5074.

5. Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук»: приказ Минобрнауки России от 13.01.2014 № 7 (ред. от 29.10.2015) // Российская газета, 2015, 5 марта.

6. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / под ред. С.Н. Братуся, О.Н. Садикова. М.: Юрид. лит., 1982.

7. Якушев, А.Н., Макиев, А.Д. Сущность и классификация форм научных знаний в юридической науке. Понятийный аппарат // Закон и право. 2006. № 9. С. 63-67.

8. ГОСТ Р 7.0.3-2006. Издания. Основные элементы. Термины и определения. М., 2010. С. 241-245.

9. Мильчин, А.Э. Издательский словарь-справочник. М.: Юрист, 1998. С.10.

10. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений. 09.09.1886 // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9. С. 3.

11. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 //www.consultant.ru.

12. О заведении в Сенате, в Советах Военных и губернских протоколов для внесения в оные определений по всем делам; о недаче голосов при совещаниях, о подписании членам собрания протоколов, о составлении решительного определения по большинству голосов и о записке в протоколе особенных мнений, несогласных с общим решением. Именной. 6 апреля 1714 г. // ПСЗ. 1-ое собр. СПб., 1830. Т. 5. № 279.

13. Летопись Российской Академии наук. Т. I. 1724-1802. СПб.: Наука, 2000. С. 43.

14. Правила об испытаниях и производстве в университетские степени: кандидата, магистра и доктора по отделению наук нравственно-политических, и о правах и привилегиях означенные степени, по надлежащем испытанию получивших. 22 декабря 1816 г. // Дело о выработке правил для получения учёных степеней с целью прекращения злоупотреблений при их присвоении (07.11.1816, 06.07.1828.) // РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 419. Л. 66-73

15. Проект Положения об учреждении Академии наук и художеств, 1724 г. // Уставы Академии наук / отв. ред. Г.К. Скрыбин. М., 1975. С. 31-39.

16. Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, 1747 г. // Уставы Академии наук / отв. ред. Г.К. Скрыбин. М., 1975. С. 40-61.

[Http://www.gblplaw.ru/about/blp/](http://www.gblplaw.ru/about/blp/)

The Russian practice of Berwin Leighton Paisner (BLP), an award-winning international law firm

О ФИРМЕ

Goltsblat BLP – российская практика **Berwin Leighton Paisner (BLP)**, ведущая международная юридическая фирма, штаб-квартира которой находится в Лондоне и офисы – в крупнейших коммерческих и финансовых центрах мира: **Москве, Абу-Даби, Берлине, Брюсселе, Дубае, Гонконге, Париже, Пекине, Сингапуре, Тель-Авиве, Франкфурте и Янгоне.**

В московском офисе Goltsblat BLP – 100 юристов, квалифицированных по российскому и английскому праву, общее количество юристов в международных офисах BLP – более 800. Сложившаяся команда российских юристов, зарекомендовавших себя как ведущих экспертов в российском праве, обладают уникальным для российского рынка практическим опытом юридического сопровождения инвестиционных проектов в России – более 20 лет.

На сегодняшний день Goltsblat BLP является одной из ведущих международных юридических фирм, российской практикой глобальной фирмы, оказывающей правовую поддержку по крупным комплексным сделкам и проектам, как международным корпорациям, так и российским компаниям. Нашей ключевой специализацией является сопровождение сделок и разрешение судебных споров. При этом при реализации комплексных проектов мы используем возможности и ресурсы нашей многофункциональной команды, чтобы обеспечить всестороннюю юридическую поддержку по всем необходимым аспектам и наиболее эффективным образом отвечать потребностям каждого клиента и каждого конкретного проекта, что, безусловно, является нашим преимуществом по сравнению с другими юридическими фирмами.

Основными областями специализации фирмы являются:

- Корпоративная практика/слияния и поглощения
- Банковская и финансовая практика
- Недвижимость и строительство
- Практика по разрешению споров
- Налоговая практика
- Таможенное право и внешняя торговля
- Коммерческая практика
- Нормативно-правовое соответствие (compliance)
- Уголовно-правовая защита бизнеса
- Антимонопольная практика
- Практика трудового права
- Практика по интеллектуальной собственности

- ГЧП/инфраструктурные проекты
- Несостоятельность и банкротство

Согласно ведущим международным рейтингам, таким как The Legal 500, Chambers & Partners, IFLR1000, Best Lawyers и Pravo.ru в течение последних нескольких лет Goltsblat BLP занимает лидирующие позиции и входит в число особо рекомендованных (“top-ranked”/ “recommended”).

Клиентами Goltsblat BLP являются более 1300 компаний, включая крупных международных инвесторов, работающих на российском рынке (75 из них входят в рейтинг Fortune 500), российские и международные банки и финансовые организации, российские компании – лидеры в своих отраслях.

В начале 1990-х годов юристы фирмы были одними из первых специалистов, оказывавших юридическую поддержку крупным западным инвесторам, начинавшим в то время выходить на российский рынок. Накопленный за эти годы опыт, глубокие знания российской правовой системы, социальных, экономических и политических процессов в России, а также знание сложившейся российской практики ведения бизнеса и менталитета западных инвесторов, позволяют нам хорошо понимать ожидания иностранных инвесторов и помогать им эффективно решать любые юридические вопросы, связанные с ведением бизнеса в России.

Кроме того, на сегодняшний день среди клиентов фирмы большое количество российских компаний, работающих как в России, так и осуществляющих инвестиционные проекты за рубежом.

Goltsblat BLP является обладателем 25 национальных и международных наград за последние пять лет, включая:

- Лучшая Юридическая Фирма в России – Chambers Europe Awards 2015 и номинант 2016 года, а также победитель Finance Monthly Law Awards 2011 и ILO Client Choice Awards 2010 в этой номинации;
- Международная Юридическая Фирма Года – The Lawyer European Awards 2014 и номинант 2015 года, Legal Business Awards 2010 / Legal 500 и номинант 2015 года;
- Юридическая Фирма Года – Лучший Клиентский Сервис – Chambers Europe Awards 2014 и 2010;
- 3 место в Топ-50 крупнейших юридических фирм России – рейтинг Коммерсант.ру 2015 и 2016;
- Топ-3 международных юридических фирм в России по размеру выручки и по выручке на юриста – рейтинг Право.ру 2015;
- Юридическая Фирма Года – Всесторонняя Юридическая Поддержка – Annual ACQ Country Awards 2011;
- Инновационный Подход к Развитию на Международных Рынках – Financial Times Innovative Lawyer Awards 2011, номинант.

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту и текст рукописи.

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgir.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 5-12 страниц.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4-5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

**ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ,
ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»**

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи. В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2–8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

редактор **Н.Б. Чунакова**
перевод **А.В. Саматов**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д.19, корп. 1, офис 12
E-mail: komarova_tl@mail.ru
Сайт: <http://matgir.ru/magazine>
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: ООО «Издательство «Концепция»
Адрес издателя: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1.
E-mail: conception.rzn@gmail.com
Телефон: 8 (800) 250-73-02

Подписано в печать 30.09.2016. Формат 61x86 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 10,91. Усл. п.л. 6,3. Тираж 500 экз. Заказ № 36.

Цена свободная

Отпечатано ООО «Издательство «Концепция».
Адрес типографии: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д.17, корп. 1.